

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Февраль 2009 г.
№ 2 (14)

В.К. АРСЕНЬЕВ

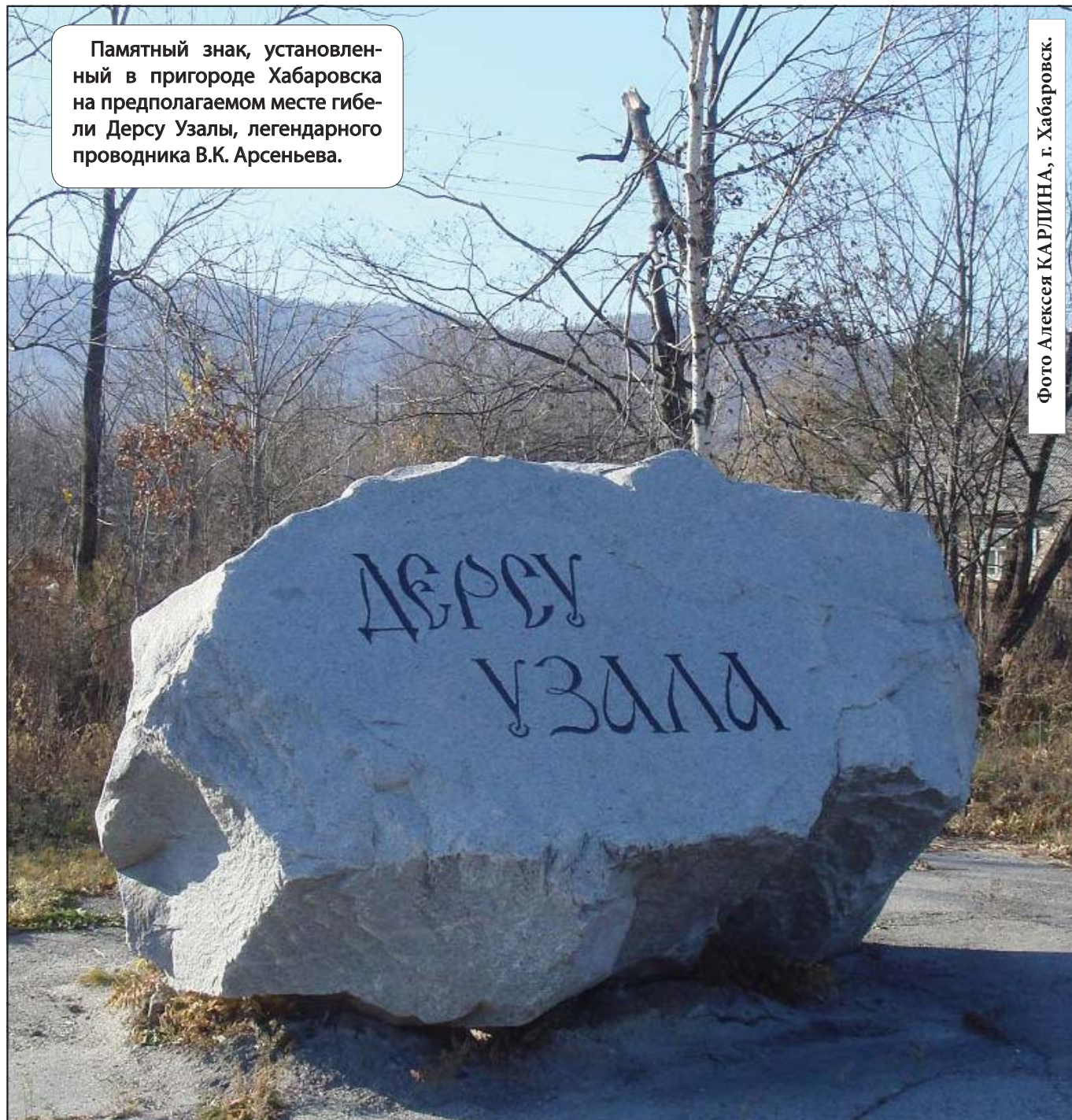
К ЮБИЛЕЮ
В. ПРОТАСОВА
(с. 6-8)

ПРОЗА
• Жанна РАЙГОРОДСКАЯ •
(с. 9-11)

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ
• Светлана ШКЛЯЕВА •
(с. 14-15)

МАСТЕР-КЛАСС
• Владимир ТЫЦКИХ •
(с. 18-20)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Памятный знак, установленный в пригороде Хабаровска на предполагаемом месте гибели Дерсу Узалы, легендарного проводника В.К. Арсеньева.

Фото Алексея КАРЛИНА, г. Хабаровск.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
• Сергей ЮДИНЦЕВ •
(с. 25-27)

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ
• Марина ЗАЙЦЕВА •
(с. 29)

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ
• Симон СЛУЦКИН •
(с. 32)

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ
• Валерий БРУСКОВ •
(с. 35)

Аннотация и лейтмотивы

Позади Рождественские торжества, Крещенские морозы, да и сама зима на исходе – февраль.

В праздничной карусели мы едва не забыли о том, что было бы правильным поздравить нашего читателя с ещё одной датой. 15 января 2008 года подписан в печать первый номер «Литературного меридиана». 17 января тираж был отпечатан.

Итак, **17 января** – день рождения нашего издания. Пусть с позданием, но от имени редколлегии я поздравляю наших авторов с этим (всё-таки) знаменательным событием. Хочется верить, что мы не напрасно отважились отправиться в увлекательное путешествие по волнам океанов литературных, и пусть в награду нам ветра попутные даны будут Небесами. Хотя и в непогоду не стоит отчаиваться, помните: «...В бурю лишь крепче руки»? Испытания делают человека сильнее, не станем и мы «раскисать», если случатся «горькие минуты».

Многие материалы февральского номера «ЛитМ»–2009 можно с уверенностью отнести к рубрикам «Литературная учёба» и «Разговор с читателем», рубрикам во многом полезным, если уж у нас в сердцах живёт дерзость обозначить собственную причастность к литературе. В связи с этим в очередной раз хочется обратить внимание пишущих на необходимость самосовершенствования посредством внимательного чтения.

К примеру, на моей книжной полке, кроме художественной, достаточно литературы, в той или иной мере полезной для редактора, – филологической, журналистской, правовой, экономической, справочной, дизайнерской и многих других направленностей. Говорю об этом отнюдь не с целью подчеркнуть собственную примечательность, но неустанно памятуя о необходимости критического подхода к собственным словам и записям.

В очередной раз обращаюсь к нашим авторам: не будьте инертны, пишите отклики на опубликованные в «ЛитМ» стихи, рассказы, публицистику, критические статьи, материалы литучёбы и пр. Не бойтесь выражать собственное мнение, даже если оно расходится с мнением мэтров или членов редакционной коллегии. Редакция рада прислушаться к вашему слову, друзья.

Немало смутившись, спешу принести свои извинения тем корреспондентам, кому в течение месяцев многих минувшего года не смог ответить я лично. В том нет предвзятого отношения редактора, но причина одна – нехватка времени.

Ищите ответа на ваши вопросы на страницах издания, пожалуйста.

Февральский номер перед вами.
Приятного чтения!

Владимир К^ОСТЫЛЕВ.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

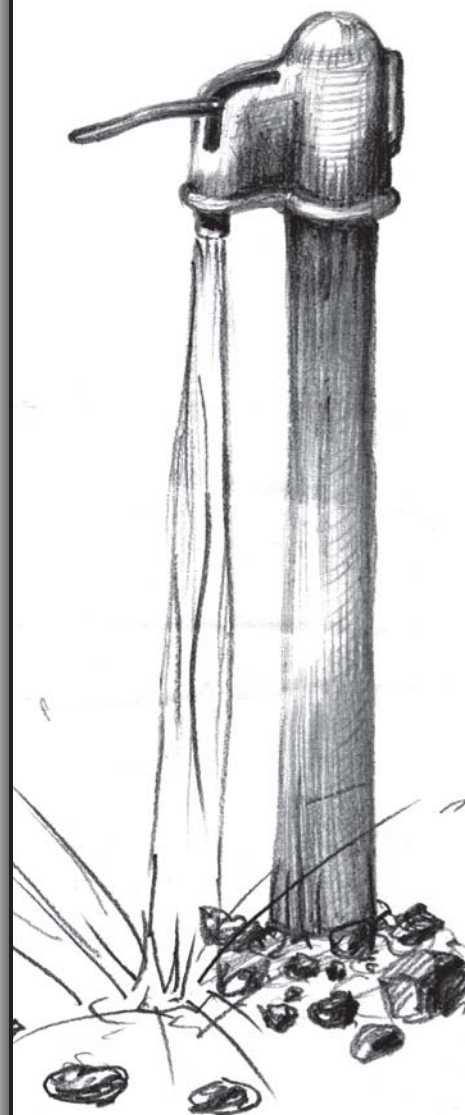

Рисунок
Натальи ПАНЬКИНОЙ,
г. Арсеньев.

Миниатюры

Аглая МОРОЗОВА,
г. Архангельск.

Опять

Я не выдерживаю своего сердца. Оно бьется в ритме своих собственных бултыханий, и меня, медлительно-мечтательную, бросает из стороны в сторону. Хватит уже, а?

«Прекрати петь!» – говорят. А иной раз: «Спой что-нибудь...» Да определитесь вы уже, люди добрые!

Надоели! Сижу дома. Мой бедный старенький компьютер! У него проблемы с BIOS, и его уже не починить, он только доживает... Подгружается и скидывает... И так несколько раз. Так же мое сердце сбивается с ритма. Подгружается и скидывает. И у меня нет терпения ждать scandisc, и я жму пробел.

Я, меня, мое... Высокая плотность этого местоимения на квадратный сантиметр текста говорит о моем эгоизме. Нехорошо? А не научилась еще ждать спокойно. Хочу, чтобы говорили «доброе утро» и «добрый ночи» каждый день, не пропуская ни разу. Моя душа ненасытна положительными эмоциями. Хотим все еще и еще, но не знаем, что с этим делать...

Изнежившись и насытившись противоречием, я продолжаю равномерно погружаться туда, где меня не достанешь ни ты, ни... И правила русского языка не позволяют мне закончить предложение...

Мне не хватает слов. Точнее, не хватает одного слова, чтобы выразить свои чувства к тебе... Это слово... Что-то вроде чликлляк, да и оно бы не подошло. Да был бы хотя бы в русском языке аналог слова soulmate, мне бы хватило.

«Опять нет сюжета!» (читать брющающим голосом). Да откуда же ему взяться, люди добрые, когда ничего не происходит? Расскажи мне про меня. Напиши про меня. Научи меня жить. Нашему поколению тяжело, при всей цивилизации и самореализации, с женами, с детьми, с перспективами и с любимыми. Тяжко.

А мое сердце бултыхается, и я, благодаря этому, повисла в невесомости.

Возьмите на заметку: иногда так даже лучше.

Записка

За окном такая осень, что хочется отвернуться. Гадкие цвета. Никогда не думала, что не смогу терпеть деревья. Могу определить. Цвет недоперегноя. Не могу распахнуть окно, не терплю холод. Щиплет где-то под горлом противная мыслишка: «А что ты хотела?» Я хочу уметь думать посложней, а жить попроще. Хочу идиллию, и все. Идиллия – это плохо, идиллия – это скучно... Чушь! Идиллия – это так недостижимо, что мы уговариваем себя, что нам того не надо... Я хочу, чтоб мне говорили приятности. Скажите мне приятность – я даже не улыбнусь, отвернусь, а внутри все будет прыгать по диссонансной амплитуде со сдвигом по фазе. Да, я съезжаю куда-то вбок.

Вчера у нас на кладбище был детский праздник. Громкоговоритель разносит ободряющие крики в километровом радиусе. Хорошо, что мертвые, когда умирают, не остаются в земле... А то каково им, после Великой Отечественной, из Афгана, из Чечни, слышать над собой: «В каждом маленьком ребенке, и в мальчишке, и в девчонке, есть по двести грамм взрывчатки или даже полкило! Должен он скакать и прыгать, все хватать, ногами дрыгать, а иначе он взорвется – трах-бабах – и нет его!...»? Действительно, как все просто: и нет его...

Как будто я не живу, а хожу и смотрю, что вытворяет этот странный мир. Какой еще бред не случился? – Сейчас будет. Какому богу люди молятся? Вакху? Возможно, я устала, за мои-то семь миллиардов, да еще один год. Впрочем, я в курсе, что счет неточен. И что это – солнце? Это какой-то рыбий глаз пялит, другого слова не подобрать, бездушно и почти слепо.

А есть глаза с концентрированной болью. Они неопределенного цвета, как правило. Такие даже при улыбке искрятся болью... Кто позволил им привыкнуть страдать?

Рыбий глаз стал стучать мне по макушке огненным прутиком: «Как! Ты! Могла! Обозвать! Меня! Рыбьим! Глазом! Я! Между прочим! Солнце! А ты?!» А я нет...

Хотя теперь уже и желтизна стала похожа на золото. Ибо не все то золото, что блестит, но все блестит, что золото. И сегодня на кладбище тишина. А я живу. И до сих пор не научилась плакать.

Не размыкая

Ничего не слышу, кроме музыки в моей голове. Покидаю город у моря. Он прощается со мной горами угля и трубами тэц. И на пути прочь никаких преград нет, а по встречной – пробка. И я плыву в автомобиле мимо речки Черной, и ее подвесной мостик не покачивается, ему все равно, что я уезжаю. Циркульные дома расступились передо мной, когда я убежала. Розетки с рабочей символикой на бароккских домах пятидесятих годов подмигнули мне. Есть ли где еще такой же город? Такой же компактный и величественный? Деревенский и морской? С высотными домами на берегу утинового пруда? С огнями на горбатом мостике вдалеке? С грандиозным памятником и тенистым двориком? Такой весь нараспашку своими парадными и закрытый паспортным режимом? Подотканный колоссальными доками и заводами? Такой праздничный и печальный, с соленым ветром и парусами? Бывает ли еще такой город, которому все можно простить? Даже то, что он с упорством отвергает меня! А я несусь и молчу, просто ничего не могу сказать. Ни прокричать, не убежать. Потому что есть сила, которая меня не отпустит никогда. И я еду к своим родным адским огням на том берегу реки. Они обманывают: все хорошо, все хорошо.

Путешествие во времени

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск.

По заданию редакции пишу обзор сразу двух номеров: «ЛитМ» № 12 за 2008 г. и «ЛитМ» № 1 за 2009, новый год. Таким образом, в канун Нового года и Рождества мне удаётся побывать в прошлом, настоящем и будущем. Так что от всей души поздравляю всех авторов и подписчиков нашей газеты с Рождеством Христовым и Новолетием! Дорогие друзья, примите наилучшие пожелания, и во что бы то ни стало верьте в чудо!

Итак, отправляемся в путешествие... Стихи **Ларисы Салазко** похожи на этюды, ярко написанные экспрессивной кистью широкими светлыми мазками. Сами названия говорят об этом: «Город на фоне горы», «Мокрые и зелёные стихи», «Последний снегопад», «О тонкой материи». Есть в некоторых строчках небольшие стилистические промахи, но в целом подборка выглядит вполне достойно.

У **Николая Сундеева** стихи чёткие и лаконичные. Филигранно выверена каждая строка. Особенно хорошо сделано стихотворение «Ручей». И это отнюдь не мелкотемье, в этом стихотворении глубокий смысл.

Как всегда, оригинален **Николай Чайка**. На мой взгляд, во всей подборке присутствует некий налёт торопливости. Стихотворение «Орбиты» по сути начинается со второй строфы. В первой строфе действие заканчивается, ибо лирический герой автора вернулся домой, а далее вдруг разворачивается действие на орбитальных высотах (!) В стихотворении «Слова» все недоумения читателя рассеиваются: «Пью от души, пишу от скуки...» – искренне повествует автор. Николаю Чайке присуще хождение по грани, а иногда он пытается вполне успешно заглянуть за грань – в стихотворениях «Смерть», «Возвращение», «Стал я старым». Не слишком ли много печального в одной подборке? Грустно читать такие стихи в канун рождественских каникул. Дай Бог Николаю Николаевичу здоровья, долгих лет жизни и побольше весёлых тем в стихах!

Сергей Пагын прост и незатейлив в своих стихотворениях. У меня нет особых претензий к автору. Наиболее интересные стихи – «Нам по вере воздастся» и «Предчувствие».

Честно говоря, я ожидал большего от изящной словесности 12-го номера «ЛитМ». Удивило оформление газеты. На дворе мороз и снег, город Хабаровск, да и вся Россия, в предпраздничной суете.

Сияют огнями нарядные ёлки в каждом доме, на городских площадях, а на обложке «Литературного меридиана» красуются мрачные римские развалины под палящими лучами итальянского солнца как напоминание о мировом кризисе. Слава Богу, на последней странице я нашёл статью главного редактора В. Костылева о подведении итогов уходящего года и тёплые слова поздравления с наступающим Новым годом.

Продолжая наше путешествие во времени, рассмотрим рубрику «Поэзия» первого номера «ЛитМ» за 2009 год. Рубрика достаточно обширна – в ней семь авторов. Есть, конечно, о чём поговорить, но прежде приглашаю вас заглянуть в мою художественную мастерскую, тем более что на улице завьюжило. Мастерская небольшая, единственное окно её выходит на тихую городскую улицу с трамвайными путями. Интерьер прост: большие настенные часы, полка с книгами, картины, написанные маслом; мольберт; фрагменты резьбы по дереву; рабочий стол с настольной лампой. Главное, есть красный угол, как было принято всегда на Руси. В красном углу – несколько икон и небольшая лампадка синего стекла. Жаль, в последнее время я редко бываю здесь. Постоянная забота о хлебе насущном не даёт расслабиться – с утра до вечера приходится крутить баранку микроавтобуса. Зато вечером усталый, но счастливый прихожу сюда и с наслаждением отдаюсь творческой работе. Если Муза гостит не у меня, что-нибудь мастерю, или рисую, или разбираю свой фотоархив. Дел всегда хватает. Люблю, когда низкое оконце мастерской заматывает снегом и метель бесчинствует на улице. А у меня – тепло и уютно: шумит закипающий чайник, тихая музыка льётся из старого радиоприёмника. и работа спорится...

Но вернёмся на страницы «ЛитМ» № 1. Вообще, моё мнение субъективно, но если задуматься, то не совсем. Когда что-то смущает меня в стихотворном тексте, я обращаюсь к собратьям по перу: филологам, поэтам, профессиональным литераторам. Звоню главному редактору «ЛитМ» В. Костылеву. Иногда приходится обращаться за советом к преподавателям иностранных языков. Много времени и сил уходит на критические обзоры. Конечно, многое зависит от качества публикуемого материала. Сегодня я назову не все имена наших уважаемых

авторов – слишком много вторичного и тысячи раз перепетого в публикациях. Пусть те авторы, чьи имена я не упомянул, простят меня и попытаются сами проанализировать свои стихи, сравнив их с творчеством опытных мастеров пера. К сожалению, ни в № 12, ни в № 1 я не нашёл более или менее ярких стихов, посвящённых волшебному празднику Рождества и Новолетия. Очень мало стихов о зиме. А сколько упущенных возможностей и рифм, к примеру, «сочельник» и «виолончель»!..

Совершенно случайно тема зимы оказалась в моей подборке (я не составляю поэтических публикаций, тем более своих) – в стихотворениях «Недосуг» и «Судьба удачами не балует». Правда, мало весёлого в этих стихах, но всё же снежок и зимний морозец чувствуются. Нашёл я и досадную ошибку наборщика, к сожалению, не замеченную корректором: в шестом стихотворении подборки вместо слова «глухо» напечатано слово «тихо», что в корне меняет настроение и смысл стиха: «В подлунной глухо...».

А на дворе сегодня настоящая новогодняя погода! Лёгкий мороз, крупными хлопьями падает снег... Но темы наших стихотворцев отнюдь не новогодние – осенняя тоска, завещание в стихах, печаль неразделённой любви и т.д. Впрочем, большинство этих стихотворений чётко и грамотно написаны. Только вот публиковать их надо бы поздней осенью, да и то не в таком количестве. *(Но, с другой стороны, – не уподобится ли наше издание цветастому календарю, к месту и не к месту пестрящему «датской» поэзией? — Костылев.)*

Вернёмся в прошлое, на 19-ю страницу «ЛитМ» № 12. Хочу процитировать стихотворение Игоря Иртеньева из замечательной статьи Олега Копытова «Москвичи далеко от Москвы», тем более, что оно было опубликовано впервые:

*Чем характерно население
Родной Российской Федерации?
Тем, что легко в изготовлении,
Но тяжело в эксплуатации!*

Остроумно и в самое «яблочко!» Не хватает нам порой вот таких ярких, кратких и весомых по содержанию строк.

Много времени ушло на прочтение подборки стихов **Олега Горшкова**. Скажу честно, лучше бы я перечитал сборник стихов **Юрия Кузнецова** «Русский узел» или «Душа верна неведомым пределам». Чувствуете поэтичность названия сборника Ю. Кузнецова? Но, на мой взгляд, ближе Олегу Горшкову творчество А. Вознесенского, любимого мной поэта до тех пор, пока он не стал писать прозу с элементами нецензурщины, или, как принято сейчас говорить, ненормативной лексики. Но сочные риф-

мы О. Горшкова порадовали меня: «поход – пехот», «рогожным – по коже», «приключится – в ключицах» и др. Отмечу всё же по-настоящему глубокое стихотворение «Осенний постоялец». Проникновенно и свежо!

Всегда искренне рад стихам **Владимира Михайловича Тыцких**. Как-то в разговоре со мной в ответ на мою очередную запальчивую речь В. Тыцких сказал: «Я, наверное, один нормальный поэт среди вас, сумасшедших обериутов и заумных футуристов». Трудно не согласиться с мастером пера. Тыцких не рвёт на груди рубаху, не лезет остервенело на Олимп, не бросается в омут за небывалыми рифмами, не стремится к изыскам, но за каждой его строкой видна напряжённая работа сердца и души. Взять хотя бы простое стихотворение «Так, без причины...». Процитирую вторую строку: «Детство. Изба. За окном буран.» Как много сказано в нескольких словах! Детство всегда долго тянется. Сколько в детстве ярких, незабываемых впечатлений!.. Завершает подборку лирическое стихотворение «Ну что там, за словом случайным?», которое вызвало у меня в душе неповторимое чувство, почти невыразимое словами.

Заканчивая наше путешествие во времени, по просьбе читателей и для более близкого знакомства с поэтом **Николаем Зиновьевым** процитирую два его стихотворения:

* * *

*Говорят, бессмертья нету.
И души нет, говорят.
Жизнь – погибельный обряд.
Жизнь – прыжок с обрыва в Лету.*

*Проклят самый миг зачатья,
Как дорога в никуда...
Что молчите? Отвечайте.
Ведь неправда это, да?*

* * *

*Что я тебя все грустью раню?
И помыкаю, как рабой?
Давай, душа, растопим баню
И всласть попаримся с тобой.*

*А после сходим к деду Ване,
Пусть он развеет нашу грусть.
Игрой на стареньком баяне
Пускай порадует Русь.*

*Услышав чистое, родное,
Узнав знакомые черты,
Как будто платье выходное,
Моя душа, наденешь ты.*

До новых творческих встреч!

ТОЧНОЕ ПОПАДАНИЕ

Владимир ТЫЦКИХ,
г. Владивосток.

Вячеславу Протасову – 60 лет

Он сам не помнит, сколько раз повторялось это трисловье. Он вообще забыл о нем, как о чем-то несущественном.

*Три зеленые ракеты,
три зеленые ракеты,
три зеленые ракеты –
три зеленые звезды...*

Большой десантный корабль спускался вдоль бережья с севера на юг Приморья. На БДК – участники похода по местам боевой и трудовой славы отечества. Где-то в Ольге или в Находке их вывозили на полигон, показывали нечто феерическое. Кажется, пограничники. Учение, приближенное к боевой обстановке. Стрельбы...

Зеленые ракеты, скорее всего, сигнализировали отбой.

На борту корабля бард-композитор Виктор Плоткин предложил написать текст для песни. Протасов сделал это почти молниеносно. Текст, вероятно, затерялся, не вызвав у автора больших сожалений. Но я помню: «Три зеленые ракеты, три зеленые ракеты, три зеленые ракеты – три зеленые звезды...» Они что-то знаменовали собой, подводили какой-то важный итог, что-то обещали – желанное и дорогое. Отчетливо вижу: ракеты вспыхнули одна за другой тремя букетами трепещущих, в цвет чистоты и надежды, радуг, плавно ниспадающих с небосвода, не гаснущих почти до самой земли...

1982 год...

Часто думается: эти ракеты остались для меня, для моего поколения неким неразгаданным символом. Еще я знаю – они светятся в памяти потому, что их сохранило слово поэта. Сколько ракет видел и выпустил сам над морем и сушей? Никогда не сочту и не вспомню. А эти – не забуду вовек.

Протасов вовремя выстрелил из своей «ракетницы» и угодил в точку.

Между прочим – просто до невозможности. То есть многим из нашей пишущей братии недоступно. Галина Якунина права: «Стихи – как жизнь: самое сложное кроется в самом простом. Самое трудное – сказать просто о главном». Этими словами начинает она статью «Оклик из родной вечности», посвященную творчеству Протасова. Конечно, не случайно. В поэзии простота возможна только в одном случае – если мысль, образ, слово попадают в самую суть того, о чем поэт решился поведать читателю-собеседнику.

Пример, между прочим, благодатен не только для размышлений о смыслах, но и для анализа формы. Три слова – «три зеленые ракеты». Трижды повторяются... Ближайшие ассоциации – Троица, троеперстие, которым мы осеняем себя перед Богом...

Нечасто, но бывает: поэта замечают и оценивают вовремя. Хотя... Протасов вступил в Союз писателей в конце шестого десятилетия жизни. Премия Приморского комсомола в начале 1980-х и – спустя двадцать лет – премия губернатора Приморского края – все, чем отмечено творчество большого поэта...

Тем драгоценней голос тончайшего российского критика Валентина Яковлевича Курбатова, из далекого Пскова разглядевшего выдающийся талант нашего земляка. Статьей «В одно сердце» в «Литературной России» Валентин Яковлевич отозвался на книги переводов и оригинальных стихов Протасова. Я не знаю поэтов-дальневосточников, о которых за последние двадцать-тридцать лет столь же авторитетным критиком сказаны слова, сопоставимые со словами Валентина Курбатова о Вячеславе Протасове. И вот еще одно свидетельство поэтического дара владивостокца – предисловие к его новой книге. «Выбор свободы» – так назвал Валентин Яковлевич свое предварение к сборнику верлибров Протасова. Очень жаль, что приходится ограничиваться цитатой:

«.....
жизнь –
словно репетиция перед спектаклем
а когда наполняется зал
и звенит последний звонок
и открывается великолепный занавес –
на сцене
в светящейся пыли прожектора
вместо тебя
только старое-старое зеркало
наспех занавешенное
случайным куском холста.

Прочитаешь и смятенно смолкнешь – как одиноко сердце поэта перед постоянной памятью о смерти. К этой памяти не привыкнешь и вдруг остро услышишь в стихотворении почти беззащитный оклик читателя – обнимемся, пока «репетиция» длится.

Кто читает Протасова давно, успел увидеть, что он не любит ходить накатанной дорогой, хотя бы там и встречали его успех и победа. Он с наслаждением писал рифмованную «Вишневую косточку» и достиг такой радостной свободы, что, казалось, только пиши да пиши. Но ему уже хотелось попробовать себя

В. Протасов

в переводе чудесно простой, и именно из-за простоты недостижимо трудной Эмили Дикинсон, и он достиг там естественности молчания. А когда загляделся на Японию, взял и созоровал, сочинив высокого мастера хайку с живой биографией нечаянного уроженца Уэльса, не забывшего родовой поэтической генетики. И показал такую свободу «перевода» стихов своего мифологического героя, что японцы всполошились – не пропустили ли большого поэта?

И вот теперь верлибр. И мы уже увидели, что он только с виду легок, как дыхание, а на глубине так

требователен, что после него рифмованный-то стих уже почти скучен и возвращение к нему похоже на отступление. Тут слово обретает действительно последнюю свободу и возвращается в райский сад, где поэзией становится простое наименование предмета, где, чтобы услышать полноту мира, довольно простого словаря, потому что нажитое в беседах с Богом чувство всеродства с миром само сложит мысль в благодарную поэму. И поэт улыбается в своей ars poetica – XXI век: «разбуженные поэзией/ поднимемся до небывалых высот/ ассоциативного мышления/ перестанем транжирить бумагу/ на тиражирование поэм/ с бьющимся сердцем/ понимающе завздыхаем/ просветленно заплачем/ над столбцами слов/ в орфографическом словаре». Но это улыбка Адама, который знает, что райский сад невозвратен...».

Приходится сожалеть и о том, что нет возможности подробно рассказать жизнь поэта – уникальный случай, когда высокое творчество и бытийная судьба не противоречат, а выступают в гармоничном единстве. Расхожий тезис «В стихах, как в жизни», на самом деле, чрезвычайно, до обидного редко, подтверждаемый реальностью, в Протасове находит свое подлинное воплощение.

Попадание Вячеслава Протасова в жизнь и поэзию – стопроцентно. Попадание пронизательных критиков в суть поэтического явления, каким стало его творчество, точно и убедительно. Но... не исчерпывающе. Потому что поэзия неисчерпаема, если поэт видит мир во всем его безграничном многообразии.

Протасову это дано. Больше того, он способен заглядывать за горизонт. Видеть невидимое. И сказать об этом так, что оно открывается другим.

Стало быть, надо ждать новых книг поэта с полной уверенностью, что они окажутся действительно новыми. Протасов будет верен себе – он не станет повторяться.

ИЗ КНИГИ, ГОТОВЯЩЕЙСЯ К ИЗДАНИЮ

**Вячеслав ПРОТАСОВ,
г. Владивосток.**

СВОБОДА ВЫБОРА

не раздумывай ни секунды
это –
та самая дорога!

с мягкими иглами
моё любимое дерево

если у незнакомой дороги...

если у незнакомой дороги
на ветке
кряжистого дуба
сидит Соловей-разбойник
и прилежно свищет
мешая пройти и проехать

в любое время

летом ты –
совершеннолетняя
зимой –
совершеннозимняя
с вечнозелёной листвой

человеку необходимо...

человеку необходимо родиться
чтобы задохнуться однажды
от счастья
и умереть
чтобы перевести наконец дыхание

лучшее время

лучшее время жизни – детство
лучшее время года – осень

осенью становится ясно
без колебаний:
лучшее время жизни – детство

распахнуты настежь ворота...

распахнуты настежь ворота
открыты все окна
отброшены шторы
и сорваны двери с петель

в сырых и угрюмых подвалах
по солнцу повисло

но тем не менее
неумолимо увеличивается
количество тайных мыслей
на душу населения

мир обязательно спасут...

мир обязательно спасут
могучие мозги мыслителей
и нервы оголённые поэтов –
я это знал всегда

а если забывал
среди тревог
раздумий
и сомнений –

всегда об этом помнили цветы
берёзы

пчёлы
соловьи
и носороги
и дети на руках у матерей

ВСЯ ЖИЗНЬ

детство кончается
когда узнаёшь
что заветная роща за оврагом –
это пятьсот кубометров древесины

юность кончается
когда понимаешь что впереди
ещё тысячи дел
более важных
чем счастье всего человечества

кончается всё –
условно называется зрелостью
когда перестаёшь верить
в своё собственное бессмертие

... из-за угла
уже не прячась
в густой тени деревьев
спешит навстречу
неулыбчивая старость

от истока – к устью

река Печаль
впадает в море Скорби

подумать только
что всему начало –
едва заметный ручеёк Разлуки!

объявление 3

сниму земной шар
для временного проживания

можно и без особых удобств:
вулканы
землетрясения
лесные пожары...

но убедительная просьба:

без друзей и любимых
не предлагать

время неумолимо...

время неумолимо

если в досаде ли
в ярости ли
сломать и отбросить часы
время продолжает идти
и идти

свидетельствую:

всегда в одном направлении
непроходимыми тропами
за глухими стенами
за ржавыми засовами

наше время

портрет J. M. R.

чёрно-красная бабочка
на вершине бархана
сидит и сочиняет слова
к бесконечной музыке
осыпающегося песка

подслушанный разговор

... правда же этот рисунок
прекрасен
взгляните – ведь правда он
прелесть –
да – тихий голос – конечно
но краски ещё не просохли...

дальняя перспектива

однажды
когда всё настолько переменится
что в кресло твоё
сядет старушка в смешных очках
с тяжёлым вздохом
и вечным клубком
запутавшихся воспоминаний –
тогда я приду и скажу:
– а помнишь
я клялся любить тебя вечно?..
– и что же? –
ты спросишь без тени улыбки

ars poetica – XXI век

разбуженные поэзией
поднимемся до небывалых высот
ассоциативного мышления
перестанем транжирить бумагу
на тиражирование поэм
с бьющимся сердцем
понимающе завздыхаем
просветлённо заплачем
над столбцами слов
в орфографическом словаре

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Жанна РАЙГОРОДСКАЯ,
г. Иркутск.

Рассказ

1.

В шесть утра Генка Бреднев собрался на работу. Кинул в кошелёк миску, ложку, бутылку с водой и хлеб. Слава Богу, не опоздал – в столовой толклись оборванные подростки. Каждому в миску плеснули черпак горячей водички с пшеном. Вылакав всё до последней капли, рабочие построились парами и под конвоем двинулись на поля. Конвой формировался из местных, но добротой не славился.

Каждому давалась полоса картошки. Поле казалось бесконечным. К полудню солнце начало припекать. Генка халтурил – присыпал землёй сорняки, сторожко косясь на охрану. Караульные вполне могли мазнуть по зубам. Перед глазами мелькали сине-зелёные пятна. Только бы не упасть, только бы не тепловой удар, думал Генка. Он был человек начитанный, образованный, целых шесть классов окончил.

Стоило вспомнить про школу, как совесть зашевелилась.

В тот день они с цыганкой Зарой дежурили – мыли кабинет. Генка павлином вертелся перед подружкой, рассказывал, что помнил, из Майн Рида... А потом в класс заглянул старший дружок, Женька Лысый. Женька стригся наголо, вот прозвище и прилипло. Вызвал поговорить. Занял рупь – как всегда, без отдачи.

– А давай запрём эту сучку, пусть побесится!..

Генка не осмелился перечить. Да и забавно было ощутить себя кем-то вроде плантаторов, имеющих право запереть рабыню в сарае, то бишь в классе. Заре шутка не понравилась. Она ругалась по-русски и по-цыгански и колотила в дверь. Лысый ржал. Геннадий пару раз интеллигентно хихикнул.

Минут через двадцать они выпустили девчонку. Зара пулей пролетела мимо обидчиков и, оказавшись на безопасном расстоянии, крикнула:

– Если сердца ваши останутся каменными... Если не вспомните о совести... Тебе, лысая башка, жить осталось два года. Ты умрёшь страшной смертью. Для других страшной. Но сам ты не поймёшь, что случилось. А ты, собачий хвост, в старости будешь прислугой у молодого фашиста!..

– Захлопни пасть, кишки простудишь! – рявкнул вдогонку Лысый.

А потом началась война, Зара эвакуировалась, а Женька и Гена остались под немцем. Лысый вскоре исчез – говорят, в партизаны подался.

«Вот тебе и плантатор», – зло думал Генка, подрубая мотыгой под корень осот. Хуже негра стал, унтерменш, славянская нация. А вдруг это Божья кара? Хотя... за что?!.. Ну, пошутили. Заперли. Обозвали черномазой макакой и ещё всяко-разно. И за это – в рабство?!.. Вон Стенька Разин персиянку утопил, так о нём песни слагают. А я чем хуже? Победила мужская дружба. Лысый – хороший парень. До войны меня мороженым угощал, да и теперь, пока не подался до лесу, подкармливал то конскими каштанами,

то щами из лебеды. А если человек хороший, то все его поступки будут хорошими. То, что мы совершили – всего лишь мужская шалость.

Днём был получасовой перерыв на обед. В супе из листьев редиски островком желтела единственная картошка. Затем, натирая мозоли, ишачили до восьми, итого тринадцать часов.

По дороге домой в безлюдной рощице Генку окликнули. Бреднев обернулся и увидел Женьку Бугрова. Язык не повернулся назвать его Лысым – так он оброс. Светлые пижонские кудри падали на воротник измятой льняной рубахи. Под конопатым курносом носом пробивались рыжеватые усики. Женька жадно смолил папиросу из настоящего табака. «Это вам не вишнёвый лист», – с оттенком зависти подумал Геннадий. Бугров поймал взгляд приятеля.

– Будешь?

– Давай.

Покурили. Генка с трудом сдерживал кашель.

– Дело есть. Выручишь?

– Ну?

– Комендатуру знаешь?

– Фрицы у Авдотьи разместились. Хозяйку выгнали.

– Зато Наташка, дочка Авдотьи, полы там метёт.

– Знаю.

– Надо бы новый веник Наталке передать, она просила, да я спешу. Хороший, ивовый. – Женька достал из хозяйственной торбы орудие труда, продемонстрировал. – Новенький, сам вязал. Вон, ярлычок прицепил. Фирменный!..

Действительно, из плетёной ручки ненормально тяжёлого веника торчал пижонский обрывок атласной ленточки кофейного цвета. Гена машинально дёрнул за кончик. Ленточка потянулась.

– Не цапай! – строго сказал Бугров. Достал из кармана латаных-перелатаных штанов перочинный нож, аккуратно заправил ленту между прутьями. От ярлычка, казалось, не осталось и следа.

– Не спасуешь?

– Не-а! – улыбнулся Геннадий, ощутив причастность к чему-то большому и жутковатому.

– Подойдёшь с чёрного хода и передашь веник лично ей. Скажешь: от бабы Дуси.

– Рады стараться! – вспомнив рассказы Станюковича, отрапортовал Генка. И несмело добавил:

– Женя... а можно... с вами?..

– Это с кондачка не решается, – вздохнул Бугров. Почесал в затылке и, видимо, решил:

– Хотя, если не дрейфишь, подгребай сюда, как стемнеет. Пойдём на дело.

– На какое?

– Увидишь...

Бугров помолчал и добавил:

– Пройдёшь боевое крещение – с корешами сведу.

...С первого взгляда Гена и не узнал Наталью – в мешковатом выцветшем сарафане до пят, в бабкином платке, перемазанную золой... Но когда протянул веник и смущённо промямлил про бабу Дусю, дивчина преобразилась. Светло-карие глаза засияли, на смуглых щеках обозначились ямочки. Девушка наклонилась и чмокнула гонца в щёку.

Гена обалдел. Его ещё ни разу не целовала женщина.

Лишь на обратном пути малый сообразил, зачем Наталка так себя изукрасила.

«Гансов боится... Чёрт, но ведь можно не по-скотски, а по-человечески... За шоколадку, за мандаринку... Немцы – хозяйева жизни... Ладно, мы с Лысым – настоящие мужчины, нам на роду написано воевать, защищать родину... А Наталка... Для кого она себя бережёт? Для Лысого? Или?..»

2.

Около полуночи Женька и Гена перелезли через забор бывшего Авдотьиного огорода и поползли между грядками.

– Попадёмся – скажем, что за редиской, – проинструктировал Лысый ещё в роще.

Действительно, клубнику оккупанты поели, а вот редиска и молоденькая сочная свёкла кое-где торчали. Генка глотал слюну, но не решался и дотронуться до ботвы. Боевое задание...

Часовой нарезал круги по ту сторону забора. Он ничего не заметил. Правильно Лысый выбрал момент...

Вот и заднее крыльцо. Из-под некрашеной двери почти незаметно выглядывал кончик искомой ленточки. Женька ухватился за него и медленно стал отползать назад... Гена последовал за ним, как денщик за баринком. Осмелев, Генка таки выдернул парочку бураков, рассовал по карманам. Женька прикрыл еле слышным матом.

У самого забора Лысый велел Геннадию держать ладони перевёрнутым ковшиком, чиркнул спичкой и подпалил. Огонёк пополз по шнуру. Женька коршуном махнул через тын и протянул руку Бредневу.

У Гены перелёт получился мешковатый. Часовой крикнул что-то непонятное, обернулся на звук... Бугров швырнул Гену в ближайшую канаву, навалился сверху и закрыл дружку рот мускулистой ладонью. Геннадий внезапно понял, что всё всерьёз – эдак и застрелить могут... Но часовой повертел головой и продолжал обход по периметру забора. Секунды текли.

– Тикай! – шёпотом приказал Бугров. И Гена дёрнул. Как раз вовремя. Минуты через полторы за спиной рвануло, и горячая взрывная волна их настигла. Бреднев не удержался и оглянулся. Дом Авдотьи полыхал. Снопам летели искры. Отворялись двери, выскакивали люди, слышались заполошные выстрелы...

Уже в лесу, возле ручья, парни сполоснули по свёколке и жадно сгрызли бураки сырыми.

– В посёлок не ходи – комендантский час, – распорядился Женька. – Пошли лучше в тайное место...

Что это было – охотничья избушка или покинутая медвежья берлога – Гена не стал уточнять.

– Иди по тропке, – поучал Женька. – Здесь мины...

– Так ведь не видно тропы...

– Значит, за мной иди...

Дальше всё походило на рассказ ужасов из бульварного журнала царских времён. Гена порою находил их на

чердаке и запойно глотал перед тем, как спалить от греха подальше. В чёрной ночной траве что-то пробежало – то ли барсук, то ли ёж... Гена поотстал... И тут раздался ещё один взрыв. Угольный силуэт Женьки опрокинулся назад. Из-под ног взметнулось светлое беспощадное пламя. В нос ударило запахом свежей земли, травы, крови...

Гена читал, что при подрыве на mine человека разрывает на куски. Он ушёл с поляны, прислонился к берёзе. Его вырвало. Затем вернулся... Убедился... Наверное, Женька следовало похоронить, но Генка не нашёл в себе сил. Шатаясь, он побрёл прочь с поляны... Рухнул в какую-то яму... Плакал, ревел, рыдал...

Начало светать. Слёзы кончились. Пришла мысль, что утром придётся идти мотыжить, да и мама, поди, проснётся, перепугается...

Гена прикрыл глаза и увидел цыганку.

...Ты, лысая башка, умрёшь страшной смертью. Для других страшной. Но сам ты не поймёшь, что случилось...

Женька погиб, но он не страдал. Эта мысль принесла успокоение, и Геннадий незаметно для себя задремал.

3.

Гена неважно ориентировался в лесу. Лишь к полудню он вышел, и то не к родному селу, а к соседнему, посёлку городского типа. Машинально дотопал до рынка. Оглушённый произошедшим, так и не измыслив убедительной легенды для матери и начальства, он присел на лавочку, бездумно оглядывая сидящих за прилавками торговцев одеждой и обувью, снующих взад-вперёд продавцов газет, воды, табака. Под стенами на ящиках сидели чистильщики обуви. Нашарив в кармане двадцать рублей, Геннадий купил гороховую лепёшку и пару картофельных дерунов. В голове прояснилось.

И тут на большой скорости с разных сторон подкатили крытые грузовики, с них посыпались фрицы и полицаи с собаками. Торговки и покупатели, визжа, бросились врассыпную, но площадь была уже оцеплена. Людей (в основном женщин) подсаживали в машины, девчонки трясли брезент, высывали в дырки руки, звали на помощь. Земля была усыпана раздавленными картофелинами, разбитыми бутылками, залита молоком. Генку кольнуло мгновенное жадное сожаление полуголодного.

Полицаи шли цепью, прочёсывая базар, подгоняя оставшихся, но стариков и малолетних детей не трогали. Всё вместе очень напоминало исторический фильм.

«Мне нет ещё четырнадцати... Под трудовую повинность подхожу, а в Германию нет», – думал Генка, лихорадочно шаря по карманам. Арбайтскарты не было.

Один из полицаев отечески взял Генку за плечи, подвёл и деловито подсадил в грузовик.

Машины тронулись. Гена примостился у заднего борта. Двое полицаев сели у кабины, двое – возле бортов, но ближе к середине. Они выглядели усталыми, но не злыми.

Не желая ничего видеть, Генка прикрыл глаза. Перед мысленным взором живым укором встала Зара.

...В старости будешь рабом у молодого фашиста...

Посёлок остался позади. Грузовик, увеличивая скорость, бойко шёл по грунтовой дороге на запад. Солнце светило. Прощально махали ветвями сосны, берёзы, ели...

«Так хрен же тебе, цыганка!» – подумал Гена. Перевалялся через задний борт, выпрыгнул на полном ходу, покати́лся вниз... И потерял сознание.

– Гена, ты что? Ну-ка, проснись!..

...Геннадий открыл глаза. Он лежал в глубоком овраге. На глинистых склонах балки зеленел хвощ. Сверху и справа слышался шум проходящих машин, но ветки раскидистой черёмухи надёжно скрывали его и девушку, склонившуюся над ним. Сейчас Наталья была при параде – в чёрной юбке-восьмиклинке и расшитой украинской сорочке. Недлинная русая коса была свёрнута бубликом, отчего Наталка казалась ровесницей Гены. На земле стояла корзина с аппетитными маслятами и сыроежками.

– А я в партизанки подалась, – поведала девушка. – Всё равно подметать уже негде.

Генка очень боялся разреветься, но овладел собой и рассказал всё.

– Жаль... Рисковой был парень, – протянула Наталка.

– Куда тебя вести – домой или в отряд?..

– В отряд, – выдохнул Генка.

Солнце золотило вершины сосен. Ребячливо взявшись за руки, Наталья и Генка шли на восток. Генка тащил корзину. Чёрта ли тебе, ведьмочка, думал он. Не буду я ничьей прислугой, извини подвинься. Не для того я создан. Может, у меня ещё будут собственные рабы...

Генка сторожко покосился на спутницу. А вдруг Наталка тоже ведунья и прочтёт его мысли? Вряд ли одобрит... Мать-то у ней тётка прижимистая, а дочь, по закону отрицания отрицания, шибко правильная выросла...

Но Наталья только улыбалась деревьям, солнцу и Генке.

4.

– Рота, подъём!.. – раздалось из соседней комнаты. Геннадий Романович открыл глаза.

– Дай поспать, сынок, – заскулил Геннадий Романович, – праздник всё-таки...

– Кому праздник, кому позорище! – рявкнул единственный, поздний ребёнок, двадцатипятилетний скинхед Эдичка. – Да если бы Гитлер нас одолел, мы бы припеваючи жили!.. Нюх потерял, развалина! Стоило своё забыть!.. Ну-ка бегом!.. Стопку с утра благородному дону!..

«И когда я его упустил», – размышлял Геннадий Романович, влезая в тапочки и шлёпая на кухню. Включил чайник «Тефаль». Заварил чёрный кофе из пакетика. Разлил по стопкам недорогой коньяк, больше похожий на сивуху, подкрашенную всё тем же кофейным порошком. «Он мне тоже плеснёт», – утешал себя Бреднев.

Фарфор и хрусталь, накопленные за долгую жизнь, уже были распроданы, а Эдичка всё требовал деликатесов. Последнее время Геннадий Романович тайком от сына ходил собирать пустые бутылки.

Геннадию Романовичу не везло в личной жизни. Наталка предпочла ему партизанского командира. Гена читал

в книжках, что женщины бегают за влиятельными людьми, но чтоб Наталка... Разочарование оказалось катастрофическим. Гена поступил на истфак в надежде пойти по партийной линии, но, поскольку он был под оккупацией, пришлось ехать по распределению в деревню учителем. Там Геннадий стал попивать. Женщин он менял, как перчатки, не верил в чувства и частенько сам торопил расставание. Женится только в сорок четыре – на выпускнице, которую, по странному совпадению, тоже звали Натальей. Через год появился Эдичка, а ещё через девять Тата сбежала на север с новым дружкой, и следы её затерялись.

Геннадий Романович души не чаял в сыночке, хотел он как лучше, а получилось как всегда. В двенадцать лет Эдик мечтал о море, парусном флоте, знал наизусть названия мачт, отличал каравеллу от фрегата... Бреднев популярно объяснил, что хорошо море с берега. Гардемарины и мушкетёры красивы, уместны в книжках, а в жизни надо знать, кому угодить. Тогда мальчик промолчал. Однако через пять лет, когда Геннадий Романович в очередной раз повторил эту фразу, Эдичка рявкнул: «Ещё чего! Пусть мне угождают!»

Затем дом наполнился красками всех мастей, колонковыми и беличьими кистями, подрамниками, этюдниками... Бреднев сказал, что Репина из Эдуарда не выйдет, так что не стоит и пытаться. В шестнадцать Эдик связался с ролевиками, начал махать деревянным мечом. Бреднев кинулся к знакомому психиатру. До больницы дело не дошло, однако отмазать от армии удалось. Более того, Эдуард набрал баллы в иняз, но проучился полгода и бросил, сказав, что ненавидит западный мир, поставивший на колени Россию. Повлиять на него папаша уже не смог. Вот уже семь лет Эдик работал сторожем на складе сантехники, получал кое-какие деньги от депутата-патриота Болтухина за расклейку листовок. В свободное от вахт время Эдуард посещал тренировки по самбо или сидел во дворе с друзьями-партийцами, потягивая пивко и наслаждаясь интеллектуальной беседой. Отец порою слышал обрывки их разговоров. «Ты читал «Застольные беседы» Плутарха?» «Вот запьёшь таблеточку водочкой»...

Вчера Эдуард с товарищами встретили на набережной восточного человека под руку с русской девушкой и решили его проучить. Джигит, не будь промах, крикнул что-то гортанное, и со всех сторон поспешили на выручку горцы. Свалка закончилась весьма печально для скинхедов и для Эдички в частности...

На ком ещё сын мог сорвать зло?..

Когда Геннадий Романович с подносом в руках остановился на пороге хозяйской комнаты, Эдик лежал под тонким солдатским одеялом, закинув грязные босые ступни на спинку кровати. Геннадий Романович поставил поднос с кофе, коньяком, чашками и стопарями на табуретку и присел на другую.

– Дрогнули!.. – скомандовал Эдичка, потирая лиловый синяк под левым заплывшим глазом.

Отец и сын придерживались разных взглядов, да и цветистые тосты надоели обоим. К чему китайские церемонии...

Календарь показывал 9 мая 1999 года.

«НЕ МОГУ-У!»

Николай ЧАЙКА,
Московская область.

(О разрушении России. Письмо до востребования)

Так случилось, что у этого письма нет конкретного адреса получателя. Изначально-то он был: я обращался к С.Б. Рассадину, известному литературному критику, писателю, публицисту, философу, – обращался в «Новую газету», с которой он сегодня активно сотрудничает. Писал на правах старого случайного знакомого, имеющего некоторое отношение к литературе, которому глубокоуважаемый мэтр несколько лет назад в Малеевке подарил свою очередную книгу. И подписана она была так: «Николаю Чайке – с любовью. Ст.Рассадин».

Ответ на своё письмо я, к сожалению, не получил. Не хочется погружаться в самые мрачные предположения по этому поводу – причины молчания сердечно почитаемого мною классика могут быть вовсе не те, что лезут в голову (больная тема: факт тотального предательства литературной Малеевки литературными генералами).

Ну а что «... с любовью...» – так это, будем считать, просто штамп, красивое клише: Бог ведь тоже любит всех людей вообще, но к каждому из живущих на Земле человек подходит сугубо индивидуально.

Поэтому в моём письме появились неизбежные коррективы. В частности, это предисловие.

Но пишу я всё о том же. И не только о разрушении Малеевки.

О РАЗРУШЕНИИ РОССИИ

...Недавно в магазинчике у себя в посёлке наблюдал такую картину: совершенно запущенная старушка выгрузила из платочка на прилавок полкило монеток 1-5-10 копеечного достоинства и попросила пакет молока. Продавщица, годами её дочка, ласково отклонила коммерческое предложение, мотивируя отказ тем, что с достоинством этих монет не всё в порядке. Молоко я старушке купил, однако не удержался, спросил: «Бабушка, за кого Вы голосовали?» – «За Путина, сынок, за «Единую Россию!» И я опять не сдержался, сказал в сердцах: «Вот и считать Вам теперь свои копейки до самой смерти!» Виноват...

Формула **В.Гиляровского**: «В России только две напасти: внизу – власть тьмы, вверху – тьма власти!» – на века. Для любых общественных формаций. Собственно, в России была и есть только одна формация: РАБСТВО. Причём – «по многочисленным просьбам трудящихся». В XX веке, и особенно сейчас, в эпоху «путинизма» (как следствие – массовый кретинизм с оттенком просвещённости, которую **Е.Евтушенко** точно определил как «образованщина»), особенно остро ощущается правота какого-то крупного исторического деятеля, который сказал, что *изобретение телевидения – это покруче изобретения атомной бомбы (в смысле массовости поражения)*.

А ведь впереди ещё инъекции микрочипа, да не в паспорт, а прямо по назначению – в мозжечок.

Так на глазах наша «суверенная демократия» превращается в махровый тоталитаризм, по сравнению с которым диктатура пролетариата в скором време-

ни ностальгически будет восприниматься как конституционный порядок.

...Знал бы я в начале 90-х, за что боролся! Эти августовские бдения у Белого дома... Эта 1-я частная литературная российская газета «Ностальгия»... (Пер. № 55 от 31. 08. 1990 г. Минпечати РФ.)

Позвольте справку. «Литературные новости» **Э. Иодковского** были уже потом. Возможно, его убили случайно, вместе меня, ибо «Ностальгия» была жёстче социально из-за моих пространственных политических передовиц, комментариев и «сатиресок». Ну, перепутали киллеры «Ностальгию» с «Лит. новостями», Чайку с Иодковским (носы-то одинаковые!) – бывает. А позже я стал безопасен. Я вложил в газету все свои сбережения и, естественно, обанкротился: печатал не порнуху-детективчики (как рекомендовали доброжелатели), а неизвестных талантливых авторов из российской глубинки. На личные средства на базе «Ностальгии» создал и зарегистрировал общественную организацию «Межреспубликанская свободная творческая ассоциация». Провёл в Москве Съезд (были делегаты из 8 союзных республик), зарегистрировал в Минюсте СССР, избран президентом этой ассоциации...

Кончились мои деньги – кончилась «Ностальгия», Ассоциация – кончилось всё. «Революция пожирает своих ... дураков» (на героя я не тянул – см. ниже). Когда в 91-м делили пирог, **М. Полторанин** лично отказал «Ностальгии» в праве на существование. Это был нокаут: деньги кончились, «друзья» – как оказалось, «подсадные» из КГБ – отвернулись, я тяжело заболел, а потом... 10 лет коробейничал, убогое зрелище, а что делать: дети маленькие, надо было кормить. А чуть раньше – угрозы, я струсил (не герой!) и, чтобы решить проблему, придумал трюк, который со смаком показало «Времечко»: некий поэт Чайка продал свою газету за... «ящик водки». Одному из своих кагэбэшных помощников. Тот, правда, подвох раскусил, на съёмку не явился, ящик с водкой не привёз – и пришлось мне бежать в магазин. Непьющему издателю «Ностальгии» хватило полстакана, чтобы выглядеть перед телекамерой достоверным алкашом. Передача прошла с успехом, лейтмотив: «Русский мужик при первой *малейшей* неудаче лезет в бутылку». Угрозы прекратились; свидетельство о регистрации «Ностальгии» до сих пор у меня; мой удачливый «покупатель» на халяву выпустил ещё пару номеров «Ностальгии» с переводами Рильке – с моим логотипом, со всеми реквизитами! – получил за это две крупные международные премии (фирма уже тогда умела отмывать деньги) – и растворился в безвестности. Я же не мог ни протестовать, ни судиться – не было уже ни здоровья, ни средств... Вот такая простая история, такой пустячок, такова «*малейшая* неудача», после которой моя семья оказалась в беспросветной нищете, а позже и вовсе распалась, ибо не простила мне эта «*малейшая* неудача...» Но я отвлекся.

У меня победу в 91-м году украли, как и у других таких же, как я, русских дураков-идеалистов, что очертя голову ринулись на баррикады. Как украли её, победу, в 17-м году у крестьян и рабочих, пообещав землю и фабрики. О *Русском Дураке* можно писать монографии; его фигура, если приглядеться, своей трагикомической монументальностью затмевает такие фигуры, как Ленин, Сталин, Наполеон (тот ведь тоже хотел дать свободу русскому

крепостному, да просчитался: не по зубам ему оказался непостижимый русский менталитет). *Чингисхан со своими отмороженными монголами истлел и выродился, а Русский Дурак как жил, так и живёт в нищете припеваючи – среда обитания! – слёзно жалуясь на свою трудную многовековую судьбу.*

«Тьму власти» можно понять и объяснить – хищники, они ведь в природе предусмотрены (не знаю уж кем: Богом? Сатаной?) Но я не могу понять, я презираю всеми фибрами «власть тьмы»! Ведь мы – люди, *человеки*, нам дарована уж точно Богом способность к организации общества! Ведь на то и государственные институты, декларированные как демократические, призванные регламентировать и соблюдать хотя бы элементарные принципы социальной справедливости, чтобы старушка смогла без особых проблем купить пакет молока и залатать прохудившуюся крышу, если она, крыша, у неё вообще есть.

Бисмарк был прав, когда сказал, что *каждый народ достоин своего правителя*. А **Виктор Астафьев** на вопрос: «Доколе в России будет продолжаться этот беспредел?» – ответил: «Пока мы (народ) ей (власти) это позволяем». (Цитирую не дословно, однако точно по смыслу. – **Н.Ч.**)

Когда-то, лет 35 назад, в одном из первых своих стихотворений я, по сути, напроорочил, предопределил свою судьбу, да и не только свою: «...на крик твой – эхо, тишина...» Сегодня я пишу иначе, но всё о том же:

*...Не могу ни смириться, ни свикнуться
с веком кнопочным, с новыми русскими.
Вдруг декабрьские выгребут выборы
мою совесть вместе с ресурсами?!..*

*Будет выкрест в России, Хованщина –
иноземцы банкуют уже...
Мы не первые в списках не значимся –
на последнем стоим рубеже.*

*Там, где кровью солдат пропитался песок –
стервенеет осот, зарастает стерня, –
но из братских могил с безымянных высот
их бессмертные души вселились в меня.*

*Пусть твердят, что не годен уже к строевой,
что убит – но и я оживаю с травой,
и в зубах пламенеет зазубренный нож
заповедного Слова: Рассею не трожь!*

*Не взывая к паскудному клану кликуш,
к их высокому чувству понижэ спины –
я рисую картину их купленных душ,
я рисую картину народной войны.*

*Я – поэт: не могу не услышать набат!
Мне бы рысью с печи и успеть на развод –
даже если за Словом за сукой в кабак,
даже если прокуренной грудью на дзот.*

*Мне за Русь не впервой, рукава засучив, –
а за мной за Уралом Ермак и Кучум!
Чу!.. За ними – конвой...
Старых ржавых кольчуг
у меня камертон, а у них – микрочип.*

*Персональный, без комплексов, кнопочный век;
Русь в подгузниках – грусть – поколение...
До сих пор старый русский живёт человек –
в Старорусском живёт поселении.*

(из стихотворения «Весть», декабрь 2007 г.)

Молчание **Ст. Рассадина** меня не очень удивило: есть прививка на эту тему – болезненная, но полезная. Как-то в Малеевке пообщались с **В. Распутиным**. С расширенными от глубокого уважения глазами я умчался из своей деревни в Москву, нашёл толстенный том кумира, купил (потерял день!) – получил драгоценный автограф и ... На мою просьбу посмотреть рукопись книги «Остров Ласхи» мэтр сухо ответил, что он чрезвычайно занят. А вот не менее занятый **А.Городницкий** нашёл время почитать стихи несчастного коробейника на обочине литературной жизни и – написал отзыв на книгу, благодаря которому нашлись спонсоры и книжка вышла в свет. И тогда я понял разницу между декларацией и Поступком. Я понял: *все цветастые заявления якобы «народников», «деревенщиков», «патриотов» – не от сохи: от лукавого.* (Аналогичная встреча в Малеевке была у меня с **В.Личутиным**). Они, истово осеняя себя крестом, «болеют» о России, о русском народе вообще – поскольку это им выгодно: *крутой брэнд!* И неплохо на этой хронической «болезни» зарабатывают. *Судьба же отдельного русского человека им – до лампочки.* И я вспомнил один из рассказов **В.Распутина**, в котором шла речь о каком-то характерном пьянчуге в поезде дальнего следования (где-то под Иркутском): тот рыдал и мог произнести только одно слово – «НЕ МОГУ-У!». И все в вагоне сочувствовали, сопереживали, кто как мог – кто наливал ещё, кто словом ласковым... И лишь один человек – автор этого замечательного (ей-Богу!) рассказа, наш классик, холодно фиксировал в памяти и на бумаге вопли несчастного, которого поломала жизнь, все его гримасы боли – с высокой степенью художественной достоверности. Фиксировал, как вивисектор над распятой, умело препарированной лягушкой, – *ни словом, ни жестом не пытаясь помочь несчастному.* Жадная волчья хватка матёрого литературного хищника была, не было только одного – *сопереживания.*

Здесь можно уже говорить о таком явлении, как «цинизм таланта». Такие, как якобы «красный» **В.Распутин** – в одной команде с нынешними бело-голубыми перевёртышами: питаются Болью народной, ведут (каждый в меру своих способностей) *дневник наблюдений. Зачем протягивать руку утопающему, если можно зафиксировать захватывающую сцену умирания и потом красочно описать её?* И уже с другим чувством, с другими мыслями я перечитал «Прощание с Матерой»... (Пусть запоздалое, пусть опосредованное, но в этом письме моё огромное спасибо **Александру Городницкому** – за очень важный урок человечности, преподанный уже седовласому, но всё ещё наивному провинциальному стихотворцу).

Спасибо вам, мои дорогие новые друзья, за внимание и терпение, проявленные при чтении этого длинного письма.

Ведь, по сути, это письмо – тот же вопль несчастного пьяницы из поезда, о котором талантливо поведал миру **В.Распутин**. «НЕ МОГУ-У!». Просто этот вопль я попробовал расшифровать.

Приглашаю к диалогу

Светлана ШКЛЯЕВА,
г. Владивосток.

Долго собиралась с мыслями, старалась оформить их в понятную, доступную мэтрам и не мэтрам, форму. Простите великодушно, если буду несколько косноязычна. Я ведь тоже в литинститутах не училась, «варюсь в собственном соку». Для повышения уровня литературных знаний читаю авторов известных и неизвестных.

Внимательно обдумываю каждую строку критических статей «Литературного меридиана». Признаюсь честно, понимаю не всё и соглашаюсь не со всем. И уверяю, я не одна такая «непонятливая». На протяжении лет, выписывая «Лукоморье», затем – «Литературный меридиан», я познакомилась и переписываюсь со многими авторами ежемесячника. Нередко получаю от них письма, в которых стихотворцы сетуют на недостаток в издании учебного материала, доступного пониманию не только «небожителей», но и тех, кто пока не очень искушен в словесных хитросплетениях, но очень хочет подняться хотя бы на ступеньку выше в своем творчестве. Я не считаю себя вправе поучать кого-либо, но мои товарищи по перу, полагающие, что я более «поднаторевшая» на поэтическом поприще, иногда спрашивают совета, и я, собрав свои скудные познания, пытаюсь помочь им по мере сил. Это я к тому, уважаемые редакторы, что не все пишущие и читающие могут ответить на вопрос: что такое пирихий? Я живу в большом городе и, прозяв в настоящей пиррии, смогу отыскать нужную литературу. Но среди подписчиков «Литературного меридиана» есть люди, проживающие в небольших сельских поселках, где трудно со специальной литературой, и есть люди с ограниченными возможностями в силу возраста или болезни. Не надо сбрасывать их со счета. Раньше – «Лукоморье», теперь – «Литературный меридиан» для этих людей единственное окно в мир литературных познаний. Читая статьи уважаемых мэтров, иной раз ловишь себя на мысли: о чем это они? Нет, я не против умных критических и публицистических статей. Дорогие «небожители», целиком и полностью признаю ваше превосходство. Вы умные, грамотные, и мне тоже хочется поумнеть, как и моим друзьям по переписке. Когда вы рассуждаете о высоком предназначении русской литературы, помните о вашем читателе, готовом впитывать каждое ваше слово. И было бы здорово, если бы ваши слова служили не только украшением строки, но и были понятны желающим «поднатореть».

Кто-то, читая эти строки, подумает: тупая. И ошибется. Не тупая, а просто человек, не учившийся специально литературному делу, а стало быть, незнакомый со спецтерминологией. С первого номера «Литературного меридиана» присматриваюсь, анализирую и делаю свои выводы. И выводы не однозначны. Чем-то ежемесячник стал лучше, прогрессивней, а чем-то оскудел. Понимаю желание редколлегии сделать свое детище более профессиональным. Но излишняя причесанность, безукоризненный порядок во мне всегда рождали скуку. Живое народное творчество смешило, удивляло, а иногда и восхищало, но никогда не нагоняло тоску. Может, я обратилась не по адресу? Ведь ежемесячник-то не называет себя «народным». Я из тех, кто имеет мужество сказать «нет», когда мне не нравится. Я доверяю своему вкусу и интуиции. А интуиция мне подсказывает, что не всё в нашем королевстве, то бишь, в ежемесячнике, в порядке. Ощущение такое, будто что-то пропало, а что – еще не поймешь.

В молодости мне довелось стать участницей съезда художников декоративно-прикладного искусства. Люди съехались в Москву со всех концов Советского Союза. Более искусные

делились опытом, рассказывали о планах на будущее, жаловались на трудности, сетовали на недостаток информации в области декоративно-прикладного искусства на местах. Пришлось и мне держать речь перед собравшимися. Вначале – оробевшая, потом – ободренная заинтересованными взглядами слушающих меня людей, я увлеченно рассказывала о своем творчестве, отвечала на вопросы. Разговор был живой, интересный. И вдруг я осеклась на полуслове, наткнувшись на холодный, равнодушный взгляд человека, сидевшего в центре в первом ряду. Это был представитель от «верхов», отвечающий за проведение съезда-семинара. Его холеная физиономия выражала бесконечную скуку и высокомерное презрение. Ему было глубоко плевать на наши чаяния, да и на нас на всех. Кто он? И кто мы? – представители народных масс. Он был, как говорят сейчас, «в шоколаде» и не собирался делиться им ни с кем. После съезда ничего не изменилось. Все опять «варились в собственном соку», не получая извне никакой помощи. Человек просто отработал «галочку», совершенно не интересуясь последующими результатами. Многое я позабыла с той поры, а вот брезгливую физиономию чиновника от культуры помню. Это, знаете, как прививка на всю жизнь.

Вот! Кажется, я поняла, что меня беспокоило. Читая статьи некоторых «мэтров» от литературы, частенько натываюсь на некую отстраненность и брезгливость к своим менее опытным собратьям. Но вспомните, уважаемые, себя в стадии становления. Очень сомневаюсь, что, взяв в руки перо, вы сразу стали «выдавать на-гора» шедевры.

Хочется, чтобы в «Литературном меридиане» велся живой разговор на понятном русском языке, а не назидательный монолог того или иного «мэтра». Сейчас в ежемесячнике такая картина: один мэтр объясняет нам, какие мы недалекие, неумелые, все сплошь графоманы, а пишущая братия, притыженная своей bestолковостью, не может дать внятного ответа, да и, собственно, до конца не понимает, в чем она провинилась, ибо ей попались учителя-прокуроры, обличающие в бездарности и безграмотности, вместо того, чтобы с великим терпением, как и подобает учителям, объяснять и показывать на примерах, как можно (о том же и теми же словами) высказать умно и красиво свою мысль. Это когда-то в одном из номеров «Лукоморья» сделал Геннадий Богданов. Он взял (в общем-то неплохое стихотворение одного автора) и после небольшой обработки довел его почти до совершенства. Этот наглядный пример для меня был намного поучительней. В «Лукоморье» велась некая учеба под рубрикой «Азбука поэта». Мы познакомилась с фавулой, хореом, ямбом и цезурой. Но оттого, что мы ознакомились с терминологией, уровень наших стихотворцев нисколько не вырос. Что из того, что я научилась различать, каким размером я пишу? Учеба, несомненно, нужна, но учеба предметная, наглядная. И не надо бояться обидеть кого-нибудь. Умный извлечет для себя правильный урок, а кто считает, что ему незачем учиться, он и так талант, то это, как говорят, его проблема. Самолюбование не такой уж редкий грешок среди пишущей братии. А ведь цель каждого истинного творца, чтобы его твореньями залюбовались другие.

В «Литературном меридиане» №10 читаю стихи Светланы Ф. Спотыкаюсь на первой же строке: «Не теряйте надежды о верной любви». Все мы учились в школе, изучали падежи. Почему же в стихах такое пренебрежение к правилам русского языка? Не теряйте надежды – на что? – на верную любовь.

Дальше. Во второй строке: «Может быть, много лет она вас поджидает». Нарушено звуковое восприятие, потому что ударение падает не на тот слог. Достаточно поменять два слова местами – и все станет на место: «вас она поджидает».

Когда я читаю стихи с такими «школьными ошибками», мне хочется посоветовать: ребята, вернитесь к грамматике! Без знания языка, на котором вы пишете, никогда не получится ничего стоящего. Не оскорбляйте неграмотностью, прежде всего, себя любимого. Русский язык трудный, но, Бог мой! Как же он красив, если к нему – с терпением и любовью!

Владимир Нежданов («Литературная газета»):

*До черноты леса пустыи.
На берегу реки одна
Береза светится,
волна
Колышет листья золотые.
И растворяет глубина
Березы шум преображенный,
В реке зеркально отраженный,
Последний, резкий, ветровой,
Уже опавшего листвой,
Не достигающей до дна...
И та же в небе – тишина.*

Каково! А? Никакой приторной вычурности. Слова просты, привычны, а как льются непринужденно. По-хорошему завидно.

Увы, дорогие мои. Не всё, что срифмовано, есть поэзия, поэтому не каждый стихотворец – поэт. И вот эту разницу, порой тонкую, едва ощутимую, и надо разъяснять на страницах «Литературного меридиана» наглядно и постоянно.

Напоследок поспорю немножко с В. Самарским по поводу «терпкого аромата» и «во сто крат». Читаю у Пушкина: «Стократ блажен, кто в юности прелестной сей быстрый миг поймает на лету». В словаре Ожегова «стократ» (устаревшее книжное наречие) пишется слитно. Оказывается, можно сказать: стократ, стократно, а не «во сто крат». Да и «терпкий аромат» не такое уж «сомнительное словосочетание».

«Терпкий» – резкий, сильный, вязущий вкус. И аромат бывает сильным, навязчивым, терпким. Если бы мы носом – нюхали, глазами — глядели, а ощущали только кожей, насколько бы обеднела наша речь! Мы говорим: «Он пожирал её глазами» (заметьте, не ртом). А у И. Северянина:

*«Умерла она в пору августа,
Когда в воздухе вкус малиновый,
(не запах)*

Примеров привести могу немало.

Для выражения своих чувств поэт может и должен употреблять эпитеты. И эти эпитеты иногда имеют иносказательное значение. И. Северянин говорит о том, что умерла она в августе, когда поспеет малина.

На этом заканчиваю свои размышления. Кто не согласен со мной, приглашаю к диалогу.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Во сто крат: *кратъ* – заимствовано из старославянского языка. В старославянском языке *кратъ* имело значение «раз» (Этимологический словарь).

Тот Ожегов, на которого ссылается автор, оспаривая В. Самарского, объясняет:

крат (книжн.): 1) **во сто крат** – в сто раз (больше или меньше); 2) **во много крат** – во много раз (больше или меньше).

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКТОРА

Уважаемая Светлана Ионовна!

Спешу поблагодарить Вас за интересное, содержательное письмо. Рад откликнуться на Ваше приглашение и сделать несколько разъясняющих замечаний по поводу написанного Вами.

Красной нитью через Ваши записи проходит мысль о запредельной непостижимости многих материалов, опубликованных на страницах «Литературного меридиана»: «...стихотворцы сетуют на недостаток в издании учебного материала, доступного пониманию...».

Очень хочется ответить словами Стародума из комедии Фонвизина «Недоросль»: «...Какое было бы несчастье, ежели б солнце перестало светить для того, чтоб слабых глаз не ослепить».

Очевидно, существуют общественные и домашние библиотеки (о которых, впрочем, Вы упоминаете), в распоряжении желающих – масса книг, как узкоспециализированных, так и художественных – классики русской и зарубежной. Не забудем и о достойных образцах современной литературы. Вдумчивое чтение – лучший учитель.

Как Вы правильно подметили, усвоенный теоретический минимум (думаю, и максимум) никого из пишущих автоматически не делает одарённым писателем. И тут уж сам собой напрашивается вывод: **зачем публиковать теорию, от которой нет проку?** Считаю пустым и сомнительным перепечатывание «Словаря поэтических терминов» и параграфов литературоведческих учебников, как это иногда практиковалось в «Лукоморье». Кроме того, что делать с новыми подписчиками? Вновь и вновь перепечатывать однажды опубликованное? Но для многократного обращения к теоретическому материалу и существуют учебники, словари и энциклопедии, в крайнем случае – конспекты или Интернет, никак не периодическое издание.

Прогресс, развитие, эволюция – это движение вперёд, к лучшему, совсем не наоборот. Поясните, зачем же мы будем понижать уровень публикаций в надежде быть понятыми теми, кто в силу различных причин не владеет терминологией? Учитывая разную степень одарённости авторов, индивидуальный «багаж теоретических знаний», etc., имею основания полагать, что, как в любом деле, в редактировании литературной газеты ВСЕМИ быть понятым невозможно.

Далее. Хотелось бы предостеречь Вас и многих других авторов от скоропалительности суждений. Давайте не будем ставить тавро выскомерия на многих действительно заслуженных литераторов, сотрудничающих с нашим изданием. Поверьте, ни один из мэтров ни словом, ни строкой не отозвался дурно о своих менее титулованных коллегам. Кроме того, и это большей частью остаётся «за кулисами», – многие «небожители» (как Вы их назвали) **бескорыстно** помогают нашему изданию (а значит, каждому из нас) по мере своих возможностей – статьями, презентациями номеров «ЛитМ», оказывают другую помощь ежемесячнику.

Мне совсем непонятен упрек в ненародности нашего ежемесячника. Выходит, наши корреспонденты (в том числе и Вы?) – выходцы из параллельных миров, инопланетяне? Уверенных в этом я разочарую: все наши авторы, разных национальностей, живущие в России или волею Небес – за границей, не перестают любить Россию, свой народ, и тому истинное подтверждение – их произведения, их искренние, неподдельные переживания о судьбах людей, Родины.

Ну а чтобы «вёлся живой разговор на понятном русском языке», усилий одной редколлегии мало. Диалог подразумевает участие нескольких (многих) лиц. Где же наши авторы? По какому праву они самоустраиваются от взаимопольной беседы с редколлекцией и друг с другом? Что сделать для того, чтобы «ЛитМ» стал привлекательнее для читателя? Давайте подумаем вместе. И не об этом ли просит редколлегия с самого первого номера? В ответ – вязкая тишина. Читатель молчит. Выходит, его всё устраивает.

Верится, что наши читатели отыщут в собственных сердцах желания обсудить проблемы, обозначенные в Вашем письме.

С надеждой на понимание.

В. Костылев.

ОСТРОВ ПАСХИ

Юрий ПАНЧЕНКО,
г. Владивосток.

Юрий Петрович родился 11 февраля 1940 года в Приморском крае. Трудовую деятельность начал в 1957 году матросом на рефрижераторе «Магадан». В 1966 году окончил ДВВИМУ имени адмирала Г. И. Невельского. Отработав на судах Дальневосточного морского пароходства 40 лет (из них 32 года в должности капитана на крупнотоннажных судах), списался на берег. В настоящее время – доцент кафедры «Судовождение» МГУ имени адмирала Г. И. Невельского.

Остров открыл в 1722 году голландский мореплаватель Якоб Роггевен в дни, когда праздновали светлый религиозный праздник Святой Пасхи, в честь которого и назван остров. Он имеет почти треугольную форму размерами 8.2 x 8.8 x 12 миль. Остров гористый, вулканического происхождения. Потухшие вулканы хорошо видны с моря. Несколько удобных бухточек позволяют сделать высадку на берег. На склонах и на берегу группами и поодиночке стоят статуи известных во всём мире идолов из вулканического туфа серого цвета. Происхождение и цель установки этих истуканов до сих пор остаётся тайной.

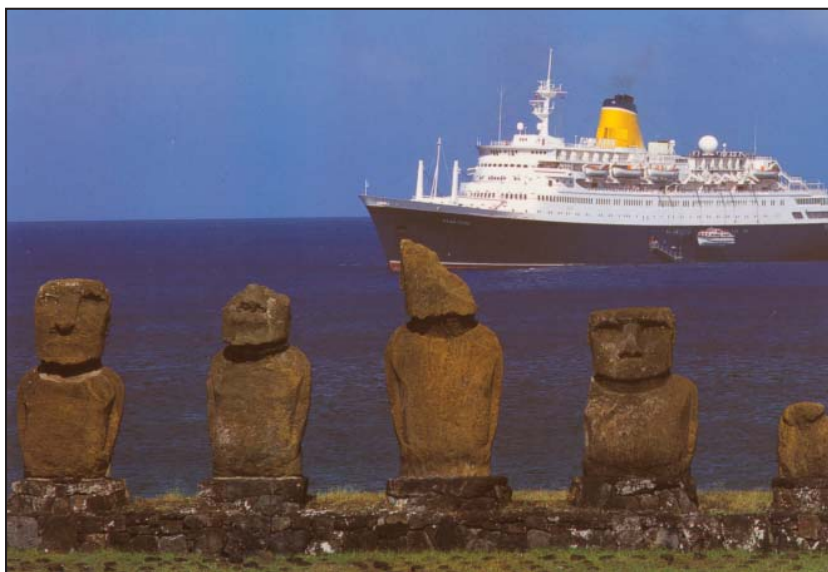
Находясь в кругосветном круизном благотворительном чартерном рейсе у японских компаний «Peace Boat» и «Japan Grace», теплоход «Русь» Дальневосточного морского пароходства с туристами из Японии (360 человек) и волонтерами из США (14 человек) имел плановый заход на остров Пасхи в юго-восточной части Тихого океана, адмиралтейская карта № 1389.

Испанское название острова Isla de Paskua, международное – Easter Island, местное население называет свой остров Rapa nui (Большой остров). Координаты острова таковы: широта 27 – 09 южная, долгота 109 – 26 западная, расположен около 2000 миль (3219 км) к западу от побережья Чили. Этой стране и принадлежит экзотический остров Пасхи с населением около 3000 человек, из них 2000 жителей – аборигены, которые говорят на очень трудном диалекте.

11 апреля 2000 года в 15 часов по местному времени по просьбе пассажиров обошли остров на кратчайшем расстоянии, местами до одной мили, для обозрения каменных статуй (идолов), большинство из которых разбросано по южному побережью Пасхи. Погода была отличная, вся панорама очень хорошо смотрелась, лес – отдельными массивами; здесь паслись коровы, лошади, овцы; как на ладони – плантации сахарного тростника и других сельскохозяйственных культур. Почва на острове красного цвета, очень плодородная.

НА РЕЙДЕ

Стали на якорь в 17-00 на глубине 32 метра в 2-х кабельтовых от ближайших камней мористее бухточки Hanga Piko, где на бетонный пирс выведен трубопровод

пресной воды, ведущие створы местного аэропорта находятся в глубине побережья этой бухточки.

Капитан порта лейтенант ВМФ Чили (АРМАДА) Ricardo Menzel Zanzi – молодой человек тридцати лет (в его подчинении находится 50 морских пехотинцев) – прибыл на борт вместе с властями для оформления формальностей прихода. Это судовые документы, клиаренс последнего порта захода, судовая роль, список пассажиров вместе с паспортами, декларация о здоровье вместе с сертификатами о прививках и список судовых запасов. Процедура оформления очень короткая, для выхода на берег нет никаких ограничений, иммиграционные власти дополнительных карточек не выписывают. Агентская компания «RAPAHANGO and EDMUNDS RAPA Ltd.» является практически монополистом в туристическом бизнесе острова, имеет значительную собственность. Ей принадлежат автомобильные заправки, газовые колонки, гостиница, шикарный двухэтажный офис.

БЕНИТО

На берегу я встретился с 62-летним Benito Adolfo Rapahango, главным менеджером компании. Он почти мой ровесник. Поэтому общий язык мы нашли быстро. Хорошо посидели в его офисе, поговорили «за жизнь», он охотно рассказал историю происхождения своего имени. В 1938 году, когда он родился, в латиноамериканских странах Адольф Гитлер и Бенито Муссолини были очень популярны. Мать искренне верила, что диктаторы победят, поэтому дала новорожденному такое длинное необычное имя. В молодости Benito был сержантом интендантской службы в чилийской армии, позже занялся бизнесом...

ВОДА И ГОРЮЧЕЕ

Посёлок расположен в бухточке Hanga Roa, где высадка пассажиров производится на бетонный пирс. В благоприятную погоду (с октября по апрель) при господствующем ветре от SSE волнение у борта около одного метра, что позволяет использовать для перевозки пассажиров местные мотоботы, которые могут принимать до десяти человек, но для безопасности перевозят не более шести. Можно также использовать и судовые шлюпки.

С мая по сентябрь пассажиры высаживаются в бухточке Hanga Piko. Выгрузка нефтепродуктов производится на южном берегу острова, для этой цели используется трубопровод диаметром 6 дюймов, который выведен в море на глубину 20 метров на расстояние около 300 метров от мыса Рара о. Тиу на юго-западной оконечности острова. Шесть резервуаров-цистерн серебристого цвета, которые стоят на возвышении к западу от мыса, хорошо видны с моря. Танкер становится на два якоря (не менее девяти смычек), с кормы заводятся швартовы на две бочки, которые установлены на 20-тиметровой изобате. Приёмный гибкий трубопровод соединён с плавающим красным бум стальным тросом.

Пресная вода в посёлок поступает по трубопроводу из естественного резервуара, которым является кратер давно потухшего вулкана, расположенного ближе к посёлку. Всего на острове два кратера с хорошей пресной водой, приёмный трубопровод подведён к берегу бухточки Hanga Piko. По причине того, что вентили заржавели, потребовались усилия привести устройство в рабочее состояние.

О необходимости приёма воды на острове Пасхи было понятно ещё в начале рейса из-за недостатка ёмкостей судовых танков пресной воды и низкой производительности опреснительной установки (25 т в сутки) плюс его нестабильная работа. Принимая во внимание тот факт, что на борту теплохода «Русь» находилось около 50 VIP-пассажиров, которые заплатили 40 тысяч американских долларов за этот кругосветный круиз, ни о каком экономном расходовании пресной воды не могло быть и речи.

Учитывая обстоятельство, что на острове нет специальной баржи для снабжения судов пресной водой, было принято решение закупить в Чили 900 метров шлангов (соединения через каждые 50 метров, включая и буйки для удержания их на плаву). По-испански эта система на-

зывается Bangueras. Всего было куплено 24 шланга. Их доставили из Сантьяго рейсовым самолётом. Соединение шлангов произвели с помощью береговых рабочих, стоимость работ – 2000 американских долларов, цена одной тонны воды – 9 долларов. За 31 час заправки приняли 405 тонн пресной воды (в общем – «golden water»). Оплатили все расходы японские фрахтователи.

Закончили приём воды в 23.00 12 апреля, один шланг оставили на борту, остальные были переданы в дар Национальному парку острова.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Аэропорт расположен в двух милях от посёлка. Рейсы два раза в неделю осуществляет чилийская компания LAN CHILE по маршруту Сантьяго – Остров Пасхи – Рареете (остров Таити).

Летнее время от второй субботы октября до второй субботы марта, GMT минус 5 часов, зимнее время от второй субботы марта до второй субботы октября, GMT минус 6 часов.

Постановка на якорь рекомендуется на глубине не менее 16 саженей (30 метров); главный двигатель должен быть в постоянной готовности на случай резкого изменения погодных условий.

После оформления прихода на борт прибыли артисты местного национального ансамбля в количестве 30 человек. Концерт длился около полутора часов. В программе: национальные танцы, песни, музыкальные произведения. Пассажиры были в восторге от концерта и общения с артистами, среди которых были девушки с европейской внешностью, многие из них сносно говорили на английском языке.

Выезд пассажиров на берег происходил с 07.30 12 апреля. Затем – экскурсия по острову на микроавтобусах. Дороги здесь в основном грунтовые, состояние удовлетворительное. Находились на берегу до 18 часов.

Посёлок расположен на берегах двух бухточек. На главной улице шла активная торговля местными сувенирами. В ходу – различные копии статуй местных идолов, любых размеров.

Валовое время стоянки на рейде острова Пасхи составило 32 часа, пассажиры были в восторге от всего, что смогли увидеть, посетив этот уникальный остров.

Уроки Юрия Кабанкова

ЗАЧЕМ МЫ ПИШЕМ

Во всякое время тысячи людей пишут стихи. Не все стихослагатели являются поэтами. Но и те, которые поэты, не равны между собой.

Поэты приходят и уходят. Немногие из них становятся привлекательны для науки в качестве объектов исследования. Тем интереснее попробовать разобраться, как и почему это происходит. Важное дело для пишущих людей. Проницательному уму оно позволяет лучше ориентироваться в литературной кухне. Не всю гармонию возможно поверить алгеброй: многое в этой самой «кухне» навечно остается необъяснимым и непознанным. Но что-то вполне поддается анализу и осмыслению. Значит, может пригодиться в творчестве. Или в понимании чужого творчества, что почти всегда не менее важно.

Юрий Кабанков обратил на себя внимание критики сразу, как начал печататься. Потом им заинтересовалась наука. В качестве примера можно назвать кандидата филологических наук Сергея Казначеева. На сегодня самым основательным исследованием творчества поэта обещает быть работа профессора Варшавского университета Людмилы Луцевич.

Многим из нас, гораздо менее способным объективно оценивать поэзию, познакомившись с корректностью научного подхода к теме, стоит задуматься над скоропалительностью и категоричностью своих мнений. Вот – письмо, пришедшее во Владивосток из Варшавы:

Добрый вечер, Юрий Николаевич!

Не буду скрывать, что, когда я обнаружила в Интернете Ваши «Камни», я была поражена и восхищена одновременно. Это было что-то особенное в русской поэзии 80-90-х гг. Много в самом тексте было для меня неясно (это сохраняется и сейчас) и я не решалась с ним работать, но все-таки любопытство пересилило. Я начала наводить справки о Вас, все, что возможно, добыла из Интернета. Начала интересоваться среди моих московских коллег, кое-какие сведения получила от них в Москве. Но ни в Москве, ни в Питере не нашла самой книги «Камни преткновенные».

Написала вчерне раздел, посвященный Вашим «Камням», но выносить его на авторский суд мне сложно. Ведь для Вас в процессе творчества, по-видимому, важен был сам творческий акт, процесс и весь сопровождающий его эмоционально-интеллектуальный контекст. Я же имею дело с результатом, где много недосказанного, таинственного и, может быть, мною неправильно понятого и осмысленного.

Сейчас я «застыла» на уровне освоения самих «Камней». Хочу пояснить, что я литературовед, а не литературный критик, поэтому у меня несколько иные

подходы, чем у критика, для меня важно обнаружить явление, описать его, ввести в определенный историко-литературный контекст, поставить «вешку», обозначить тенденцию, закономерность.

...Не судите строго за эту мою «попытку Камня».

С глубоким уважением и благодарностью за возможность разговора, Людмила Луцевич, доктор филологических наук, профессор Варшавского университета.

Отклик Юрия Кабанкова умно функционален, то есть конкретно и внятно отвечает на вопросы, поставленные Луцевич. С другой стороны, в нем обозначена позиция поэта, если хотим, даже философия, смысл которой в строгости самооценки, в отсутствии позерства и самомнения, которыми в избытке – чем менее даровитые, тем больше – страдают многие наши коллеги.

Людмила Федоровна, день Вам добрый! Спасибо сердечное за Ваше глубокое внимание моих каменных опусов. Нам ведь и впрямь не дано предугадать, как слово наше отзовется. Ну и слава Богу, что Вы окучиваете мои Камни. До сего дня подобного серьезного подхода, сдается мне, не наблюдалось. Казначеев и Белых в данном случае не в счет, тем более – Саша Белых, спасибо ему, но он, как мне кажется, просто оцепенел в недоумении и всё же попёр напропалую «не ведая ни пастыря, ни броду», т.е. не ведая, что творит. А Вы много чего разъяснили мне, чего я и не мог бы в процессе работы понимать – как сороконожка, у которой спросили, с какой ноги она ходить начинает. Для такого анализа нужны особые мозги, которых у меня нет, хотя и обзавелся к пятидесяти годам ученой степенью. Есть какие-то мелкие замечания, но они не влияют на общее благовосприятие... Мне кажется, важно исправить фразу «упрекал своих современников-поэтов в конъюнктурности». Никого я не упрекал, а говоря «мы», имел в виду прежде всего себя (вот на этом и споткнулся Белых, увидев в моих текстах некий перст указующий из сиятельных облаков). Ну и не в конъюнктуре дело, конечно... А фраза, например, «Ах, вопросы нам жить не мешают, ответы – мешают!» – это из замечательной песенки Новеллы Матвеевой. И Вы правы, говоря: «В процессе работы у меня даже возникала порой мысль, что Вы и сами, заложив столько возможностей – семантических и формальных – в свои «камни», не использовали все их богатство. Не так ли?». Конечно, конечно... Тут спорить не приходится. Биографические вехи... Да, в общем-то, всё сходится. В Интернете не я всё это вешал, так что... А чтобы вам уж совсем вплотную разглядеть сие насекомое под увеличительным стеклом – высылаю свой эпистолярный «Исход»...

Удачи Вам, всего доброго и спасибо сердечное. Жду продолжения. Ваш Ю.К.

Кабанков – большой поэт, что бы ни говорили и ни думали по этому безусловному поводу литкритические недоросли. Но профессора из Варшавы, прекрасно видящего силу поэтического таланта Кабанкова, привлекло не само версификационное мастерство. Здесь определяющей стала содержательная сторона творчества Юрия Николаевича и в первую очередь – его мировоззрение. Во всей полноте осветить вопрос в рамках газетной статьи не удастся. Остановимся на одном тезисе Людмилы Луцевич, который кажется нам самым главным:

«Русская поэзия... воспользовалась правом свободно выражать свое отношение к православию, христианству, религии в целом, к книгам Св. Писания в частности. Сокровенные поэтические размышления о вере получили свое воплощение в содержании произведений Ю. Кузнецова и Н. Тряпкина, Г. Горбовского и Ст. Куняева, В. Казанцева и К. Коледина; библейские темы, мотивы, образы, стилистика, интонации проникали в творчество менее известных в ту пору Ю. Кабанкова, С. Кековой, О. Николаевой, М. Аввакумовой, О. Мартыновой, Н. Байтова, Ю. Кима, В. Строчкова, а также В. Куллэ, В. Зельченко, А. Кокотова, многих других поэтов.

... Фигура Юрия Кабанкова, на наш взгляд, является, пожалуй, наиболее знаменательной и показательной для того процесса, который начался и осуществился в период перестройки. Поэтическая деятельность и публицистика Кабанкова демонстрирует, на первый взгляд, неожиданную, а по существу закономерную и очень глубокую мировоззренческую трансформацию, которую пережила наиболее чувствительная и восприимчивая часть русской писательской интеллигенции, наглядно засвидетельствовавшую то, как бытовое сознание советского человека с его социальной проблематикой, раздробленным вниманием к повседневной жизни в ее частных деталях и подробностях постепенно уступает место миропониманию бытийному с его устремленностью к целому, где Бог является истинной мерой всего сущего и где через Него осмысляются важнейшие вопросы человеческого бытия.

... Кабанков удручен тем, что современные писатели и поэты почти безвозвратно утратили чувство реального общения с Богом и близости к Нему, не востребованы и не освоены шедевры национальной религиозной культуры, хранящие вековые православные традиции, не известна и подлинная духовная литература, которая «в своей соборности устремляется к стяжанию целостности мира в феномене Творца»; интересы в лучшем случае сосредоточены на литературе светской, стремящейся в своей «развлекательности ... к раздроблению, рассеянию, расточению и расщеплению этой целостности».

... Современная литература сосредоточена, как правило, на личности писателя, которого зачастую не интересует ничего в мире, кроме собственной персоны. Во главу угла нередко ставится непохожесть на других, оригинальность любой ценой, что ведет к эстетству – стремлению создать свой особый художественный мир, где доминирует изоцирэнная чувствительность к форме. Кабанков скептически относится

к таким писательским усилиям, для него «творимые... поэтические и другие «миры» в своём стремлении уподобиться творению Божию предстают... как детская игра с Отцом, допустившим нас позабавиться разукрашиванием прозрачного, но всё ещё отделяющего нас от Него небесного воздуха».

... Кабанков намеренно отделяет эстетический аспект искусства от этического, «красоту» от «истины» и «добра». По существу «эстетическое» в его словоупотреблении это скорее «эстетское», то есть ограничивающееся внешней стороной явлений, намеренно пренебрегающее смыслами и значениями.

... Эстетство, культивируемое людьми творческими, стало разновидностью эгоцентризма. В русском литературном процессе конца 80-90-х гг. поэт и наблюдает нечто подобное, «с поправкой на то, что, отвергая Творца как начало сдерживающее и направляющее наше «свободное» волеизъявление, уже не тщимся уподобиться Ему, поскольку сознание нашей личной смертности, конечности нашего общего бытия стало ныне неотъемлемой частью нашего организма. Ежели вера без дел мертва есть, то уж дела без веры и подавно».

... Ю. Кабанков осуществил художественную попытку убедить своих современников в неиспользованных возможностях подлинно духовного начала в литературе, способного и сегодня пронизывать своими живительными токами омертвевшее мирское, возвращая его к высокому религиозному идеалу. Таким образом, поэт утверждает возможность обратного процесса в человеческом бытии и культуре – от глобальной секулярной рациональности и просветительства к мистике, интимной религиозности и, в конце концов, к церковной соборности.»

2. ВСЕГО ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ

Первый урок Кабанкова в данном случае суть доказательство важности в поэзии содержания вообще и первостепенной важности для русского, шире – славянского поэта именно мировоззрения православно-го. Второй урок, при его очевидной многоплановости, может быть обозначен как тема достоинства авторской самооценки, из которой вытекает возможность творческого развития. Стоит поэту (и вообще творческому человеку) поверить в свое величие, он не просто перестает расти над собой, но начинает саморазрушаться. Предлагаем познакомиться с развитием этой темы в переписке поэта и ученого. Она, тема, заявлена не напрямую, но читателю стоит поглубже вникнуть в нее – для пишущего человека это может быть очень благодатно.

Луцевич – Кабанкову: *Какое замечательное письмо! Спасибо большое, Юрий Николаевич.*

Конечно, я вижу, что Вы как очень мудрый человек щадите меня. И понимаю теперь, что в «Камнях» есть совершенно особая автоирония, но не могу ее пока ухватить за хвост.

Ваши поправки, хотя и немногочисленны, но для меня существенны. И про «владивостокского поэта»,

и про «не без труда» стал студентом (если бы Вы разрешили, я бы внесла в текст Ваше разъяснение, вот это: «Трудов-то (или препятствий) было всего два. За год до моего поступления Егор Исаев не взял меня в свой семинар, сказав (как мне передали впоследствии), что у него челюсти сводит от густоты моих метафор. А через год, в 78-м, когда я уже прошел конкурс, древнедремучий во всех смыслах ректор Пименов заявил, что мне нужно возвращаться во Владивосток, поскольку я не комсомолец и ношу бороду, «а это признак буржуазной расхлябанности». Мне пришлось пойти на компромисс: бороду сбрить и пообещать, что я подам заявление о вступлении в ВЛКСМ».

Особая благодарность за строчку из стихотворения Н. Матвеевой! Эта корректура существенна.

«Исход» уже начала читать и вижу, как он важен для моей работы. Не смогли бы Вы переслать мне заодно и его журнальные оттиски? Понимаю, что наглость... А как быть? Простите великодушно!

Сердечно, ЛФ

От Кабанкова – Луцевич: День добрый, Людмила Федоровна! Прежде всего: нынче отправил Вам бандероль... Отправил НЕ авиа, поскольку ОНО, авиа, вдвое дороже. Теперь будем уповать на слаженную работу российской почты и честность почтовиков.

Теперь – насчет «мудрости» и «поощрения». Скажу кратко: каждый делает свое дело; и то, что делаете Вы, думаю, не сделает никто. Тут нет какой-то «поощады»: просто я так не умею, хотя от меня в моих «научных» работах требуют именно этого. По части «автоиронии», или лучше сказать – самоиронии: я не знаю, что Вы имеете в виду, но ежели развить эту тему, то в Камнях есть фраза: «Ах, переписчик, ай да водолей!» Понятно, что здесь «водолей» – не знак Зодиака, а представитель интеллектуально-кухонной болтовни. И еще – для объемности и наведения резкости – не пригодится ли Вам моя статья-воспоминание о Юрии Кузнецове? Сегодня принесли последний, шестой «Дальний Восток», я пробежал текст, и мне показалось, что это – в тему, поскольку на первой своей странице Вы даете два ряда имен, между которыми ощутимо непреднамеренное перекликанье. На этом прощаюсь. Я с радостью и даже с не свойственным мне энтузиазмом воспринимаю Ваше стремление «обнаружить явление, описать его, ввести в определенный историко-литературный контекст, поставить «вешку», обозначить тенденцию, закономерность». Спасибо! А собственно стихов я не писал, почитай, лет десять, но в нынешнем годе разговелся вот «Таким кино». Ваш Ю.К.

ТАКОЕ КИНО

...и луна не даст света своего,
и силы небесные поколеблются
от Матфея 24.29

...и юноши ваши будут видеть видения,
и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут;
Иоиль, 2.28

Сияла ночь. Луной был полон сад...
Возьми её за тонкие запястья
и к Бунину сведи, – он затемнит
её подмышек царственные своды,
с ума сводящие музыку и язык

под своды коммунального Эдема,
где вспыхивают белые одежды,
и зеркала, и ветхие скрижали,
и, вспыхнувшая, плавится сетчатка,
и взоры, словно яхонты, горят;

и так сцепились души обнажённых,
что кажется: плывут в реке времён,
захлёбываясь влагой сокровенной,
разбрасывая локти и колена, –
и по воде расходятся круги;

а в чистом пламени лампадного огня
стрекошущая тает киноплёнка,
вращается времён веретено,
и ангел мщения с беспечностью ребёнка
снимает это вечное кино.

От Крестопоклонной Недели
Великого поста
до Сошествия во ад
2008

Луцевич – Кабанкову. Какое удивительное стихотворение, Юрий Николаевич, Ваше «такое кино». Оно мне запало в душу сразу, как только я его прочитала – совершенно очевидно: только любовью жива поэзия (истина вечная, но как важно, чтобы она находила каждый раз свои слова, образы, тональность). В стихотворении множество поэтических цитат, аллюзий, ассоциаций (мне это интересно!), но, конечно, не это главное. А главное для меня здесь – это спрятанная за нарочитой цитатностью (вот здесь я чувствую Вашу так называемую самоиронию – никуда не уйти от уже бывшего и сказанного) современная и целомудренная «Песнь Песнью». А ведь все, русские поэты, вольно или невольно, присутствующие у Вас (Державин, Пушкин, Фет, Мей, Бунин, Ахматова, Мандельштам...) так или иначе обращались к библейской «Песне».

Поздравляю! Стихотворение антологическое.
Сердечно, ЛФ.

Остается пожелать нашим читателям извлечь из предлагаемых уроков как можно большую пользу для себя, для своего творчества. А мы будем ждать откликов. Если означенные уроки придутся по душе подписчикам «ЛитМ», мы постараемся рубрику «Мастер-класс» сделать регулярной.

Урок вел В. Тыцких.

Жили два друга-товарища

Светлана МАЩЕНКО,
п. Приозёрный
Амурской области.

Серёжа с Вовой были неразлучными друзьями в садике. И за обедом, и на занятиях они всегда садились рядом, в тихий час они мирно посапывали на соседних раскладушках. И ростом, и комплекцией мальчики были одинаковы, только Вова синеглаз и русоволос, барственно ленив в движениях, а Серёжа – живой как ртуть, кареглазый, с непокорными чёрными кудряшками, генератор идей. Поскольку одевались и раздевались ребята рядышком, они зачастую менялись и колготками, и рубашками, и шортами. Одежда была не от Диора, а купленная в одном магазине, ширпотреб – и размер одинаков, и расцветки схожи.

Матери, правда, на всех одежках метки вышили: у Вовчика розовая буква «В», у Серёжи – жёлтая «С». И буквы, и цвет наши друзья знали, но до меток ли, когда спешишь одеться или, одеваясь, ведёшь спор о важных вещах? Зато дома на горестный мамин вздох: «Опять новую футболку всю краской измазал!» – можно с достоинством ответить: «Мам, это Вовкина футболка, вот, видишь, буква «В», а моя чистая, она на Вовке».

Матери с таким положением вещей смирились, и уже безропотно Серёжина зашивала Вовчиковы дырки на колготках, а Володина выводила с белой Серёжиной рубашки пятна от черёмухи.

В первый класс приятели тоже пошли вместе с одинаковыми ранцами за плечами и одинаковым набором школьных принадлежностей.

Школа была начальная, с группой продлённого дня, и возвращались ребята из школы в то же время, что и родители с работы. Не надо было волноваться за приготовление домашних заданий – всё у детей было сделано. Но в тетради иногда мамы заглядывали. Как-то вечером Серёжа открыл ранец, чтобы показать родителям, какой славный рисунок он нарисовал, и застыл в изумлении: сверху лежала Вовкина рогатка, а ниже – Вовкины же тетради и учебники.

– Ну где же твоя ракета? Неси, посмотрим, – услышал он папин голос.

– Пап, это Вовкин ранец, – растерянно пробормотал сын, – как же мы перепутали...

– Да, давненько вы с ним ничем не менялись, – улыбнулась мама.

– Я сейчас сбегая за своим ранцем, а этот Вовчику отдам, – засуетился Серёжа.

Уже смеркалось, а Вова жил на другом конце посёлка, поэтому отец пошёл вместе с Сергеем.

– Ранцы перепутали? – переспросила Вовина мать. – А мы и не заглядывали в тетради. Володя, неси сюда. Точно. Глянь, как у Серёжи аккуратно тетради подписаны, не то, что твои. Может, вы и головами махнёте не глядя?

В четвёртый класс друзей стал возить автобус в соседнее село, в десятилетку. Школа была большая, красивая, в ней практиковалась предметно-кабинетная система обучения.

После первого урока приятели пошли в туалет. Замешкались, уже звонок прозвенел, а они только добежали до класса. Постучались, вошли. Преподавательница велела им сесть и больше не опаздывать.

Открыли тетрадки, записали число. Только наши друзья – в тетрадях в клеточку, а весь класс – в линейку.

– Вовка, у нас же математика.

– Да, русский уже был.

На них зашикали. Мальчишки притихли, огляделись по сторонам. Не увидев никого из знакомых ребят, удивились. Учительница подошла к ним:

– Вы из какого класса?

– Из четвёртого «А».

– А это класс «Б». Вам надо было на второй этаж в кабинет математики идти, но уж теперь занимайтесь с нами до перемены – домашнее задание выполняйте – а там своих найдёте.

– Не нравится мне эта беготня по кабинетам, – флегматично изрёк Вова, когда друзья возвращались на автобусе из школы.

– Да, пока мы к этому привыкнем... Вот бы нам по ошибке ввалиться сразу в десятый класс или хотя бы в седьмой! А что, позанимались бы побольше, – догнали бы ребят и школу раньше б одолели!

– Да, если б мы ростом повыше были, сошло бы. Там, видел, какие верзилы ходят? Куда нам до них..

– Да, жаль...

...Как порой жестоко несправедлива к людям судьба, как горестно быстротечна жизнь наших мальчиков! Серёжа не вернулся из Афганистана, а Володя погиб в автокатастрофе.

Его имя с нашим городом слилось

Анастасия КАРАБАЕВА,
г. Арсеньев.

/Окончание. Начало в № 11,12 2008 г., № 1 2009 г./

Фотографии современного г. Арсеньева –
Натальи ПАНЬКИНОЙ.

Железная дорога

Стройка набирала обороты, остро встал вопрос грузо-перевозок. Оборудование, продукты питания и одежда от станции Манзовка до Семёновки доставлялись на телегах, машинах не менее месяца. Машин не хватало. Добраться от Спасской или Уссурийской железнодорожной станции было трудно: петлявшая по извилистым берегам Даубихэ грязная, разбитая дорога напоминала таёжную тропу. Ездить по ней можно было только в сухую погоду. Чтобы попасть, например, из Семёновки в Анучино, нужно было трижды переправиться через реку вброд.

Механизация отсутствовала почти полностью. Лом, кирка, лопата, топор, пила были основным инструментом в руках рабочих.

Особое значение придавалось строительству железнодорожной ветки от ст. Манзовка в сторону с. Семёновки. В 1937 году строительство дважды посетил командующий Особой Краснознамённой Дальневосточной армией (ОКДВА) Маршал Советского Союза В.К. Блюхер. В первый приезд маршал побывал на станции Даубихэ (Арсеньев) и остался доволен ходом работ на станции. Во второй приезд Блюхер вручал награды победителям на совещании стахановских бригад на ст. Манзовка.

Приказом по 5-й железнодорожной бригаде была сформирована оперативная группа во главе с начальником производственно-технического отдела Фёдором Васильевичем Бочаровым для возведения однопутной магистрали протяжённостью 105 км. Через три месяца 20-й полк Особого корпуса железнодорожных войск получил приказ строить железнодорожное полотно на участке 53-57 км дороги Манзовка (Сибирцево) – Варфоломеевка. Походным порядком полк под командованием Чернышева направился к месту работы. Глухая болотистая тайга обступила строителей. Тучи мошкар, комаров забивали глаза, рот, продирались под одежду. От их укусов распухали лица, руки. От просёлочной дороги на шесть километров бойцы продвигались цепочкой – один за другим. Слева и справа обступали многовековые корявые кедры. Путь преграждали буреломы, валежник. Постоянно шёл проливной дождь. Так встретил природа строителей.

Первым делом начали строить временную грунтовую дорогу – расчищать трассу, распиливать лес. За 6 дней была готова просека по трассе, и подразделения присту-

пили к выполнению основной работы – разработке скальной выемки и возведению насыпи на 53-м километре.

Июль в том году выдался необычайно дождливым. Негде было обсушить обмундирование, ноги вязли в разбухшей глинистой земле, наседали гнус, от которого не было спасения.

Воистину героически работали подразделения Прокофьева и Медведева, разрабатывавшие скальную выемку и возводившие насыпь. В среднем, каждый боец вырабатывал в день до 0,5 кубометра грунта. Механизация работ почти отсутствовала. В начале строительства было 3 экскаватора: один импортный с ёмкостью ковша 0,5 куб.м и два паровых – «Костромич» первого выпуска, на гусеничном ходу. И лишь во время работ в пойме реки

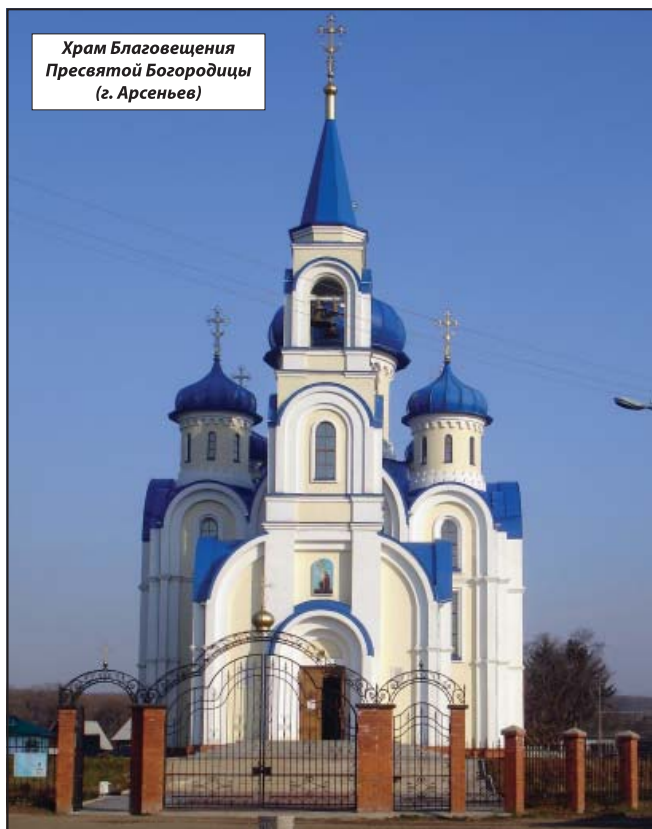

Даубихэ в распоряжение рабочих был предоставлен экскаватор «Ковровец» на железнодорожном ходу, а следом за ним – и паровой полноповоротный экскаватор на гусеничном ходу.

Отсыпка земляных насыпей выполнялась вагонетками, передвигающимися по эстакаде. Часть выемок разрабатывалась взрывным способом на выброс. У высоких насыпей и глубоких выемок выкладывались временные обходы, по которым пропускались по 2-3 вагона. Благодаря этому можно было подавать грузы в «голову» стройки.

Автомобилей также было мало – 13-15 единиц. Из-за бездорожья использовали их в основном для перевозки деталей и материалов на лесозаготовках. Тракторами подвозили продовольствие. На некоторых участках (до постройки каменных средних мостов) строили временные деревянные мосты для пропуска составов.

К весне 1937 года железнодорожная линия дошла до поймы р. Даубихэ. Это был один из самых трудных участков. Кругом болота, трясина. Люди проваливались по пояс в холодную жижу.

Храм Благовещения
Пресвятой Богородицы
(г. Арсеньев)

ОАО Завод «Аскольд»

Вручную «бабой» (тяжёлый обрезок дерева, чаще окантованный железом, с прибитыми по бокам ручками) забивали сваи.

Из-за неизученности режима реки Даубихэ составить проект постоянного моста не представлялось возможным, а потому сначала построили временный деревянный мост. Однако война внесла свои коррективы, и постоянный мост был построен только в 1953 году. А тогда, в 1937-м, инженерам Потёмкину, Соколову, Попову, Козлову много пришлось поработать над исправлением ошибок в проекте по малым искусственным сооружениям, устройству водоснабжения. Самый большой деревянный мост был построен на 80-м километре линии Манзовка–Варфоломеевка длиной 422 метра через реку Даубихэ.

В паводок 1938 года две опоры моста были подмыты и дали осадок до 10-12 см. Немного меньшую осадку дали ещё 5 опор. Ледорез средней речной опоры был подмыт и унесён водой. С 1938 года по железной дороге уже ходили составы. Ежемесячно вывозилось 1500 вагонов леса. Ходил пассажирский поезд. Через мост он шёл со скоростью 10 км/час.

Молодые бойцы совершили свой трудовой подвиг. Они строили не только железную дорогу, но и все хозяйственные постройки на каждой станции: вокзалы, багажные склады, ламповые, водогрейки и многое другое. Ветка «Манзовка–Варфоломеевка» была сдана 30 июня 1940 г.

Интересен факт. Когда А.О. Осипов – замечательный музыкант, о котором говорилось ранее, собрал из 14–16-летних мальчишек духовой оркестр, военные, услышав их игру, пригласили Артёма Осиповича на службу, а мальчишек взяли в воспитанники. Так у военных появился штатный оркестр. После окончания работ по строительству железной дороги батальон отправился к новому месту

службы, а вместе с ним и оркестр. Во время войны весь молодой состав оркестра из бывших семёновских мальчишек забрали на фронт, но музыка продолжала звучать, уже во вновь созданном духовом оркестре.

Первым начальником построенной станции был сержант Пройдисвет. Дистанцию обслуживали полуторка и дрезина. Путьцы работали инструментом, который изготавливали тут же в кузнице, – те же лом, кирка, молот, клещи для подъёма шпал и рельсов. Первым путейцем становится Леонид Дмитриевич Голенко, мастер на все руки, а начальником дистанции пути – подполковник Георгий Николаевич Соколов. Станцией до начала войны руководили военные, а когда в 1941 году 9-й батальон отправился на фронт, начальник железной дороги Перцев издаёт приказ о приёме на работу гражданского населения, в основном это были женщины и 16–17-летние ребята, которых учили всем необходимым профессиям.

За годы войны было построено железнодорожное депо, четырёхлетняя железнодорожная школа (здание барачного типа, 1944 г.), железнодорожный клуб, который строили в 1943 году по воскресеньям и в свободное от основной работы время.

Деревянный домик-вокзал простоял до 1971 года, до введения в строй красивого кирпичного здания.

Вместо паровозов постепенно стали использовать тепловозы и электровозы, внедрялись передовые технологии перевозки грузов.

...Шло время. 26 марта 1973 года в 7 часов 55 минут впервые из Арсеньева отправился поезд № 282 «Владивосток–Новочугуевка». Строители стальных магистралей навсегда останутся в памяти потомков. Это они первыми разбудили вековую глухомань, помогли преобразить дикий край, освоить его богатства, построить заводы, город.

Яблоко раздора

Геннадий ДОРОШЕНКО,
г. Хабаровск.

Честно говоря, я не отношусь к внимательным читателям каких-либо литературных газет. Однако с некоторыми произведениями и статьями вашего издания я всё же знаком. Дело в том, что «Литературный меридиан» с большим интересом читается вслух у меня дома на поэтических посиделках моими друзьями. Так однажды, благо автор не может нам дать «яблочного тумака» в лоб, наше ироническое внимание привлекло стихотворение «Яблоки» Маргариты Калякиной (г. Пучеж).

Собственно, оно-то и подтолкнуло меня на мысль предложить редакции и читателям этой газеты создать новую рубрику «Яблоко раздора», в которой бы критик не только разбирал какое-либо произведение, но и был бы обязан предлагать на суд свой вариант стихотворения. В результате может получиться целая галерея «яблочных» произведений.

Итак, предлагаю свой вариант разбора стихотворения. Внимательно читая произведение Маргариты, начну с того, что, на мой взгляд, автор замечательно выбрал для него размер. Лёгкий, непринужденный, солнечный.

ЯБЛОКИ

*А за окошком яблоки стучат,
Всю ночь роняют яблонь ветви бремя.
И ловит слух, куда летят примерно,
И больно бьют румяные бочка.
Вот в бочку плюхнулись, плеснув водой,
А вот – в кусты, под глуховатый шорох,
Мелькнёт в листве едва заметный всполох,
На стол фанерный – гулкой чредой.
Под валерьяною, наверняка,
Вдруг взвизгнула испуганная кошка,
И ей досталось, видимо, немножко
Отведать яблочного тумака.
Не спится. Яблок стук сведёт с ума.
О яблоки! Плод первого раздора!
Всё падают без всякого разбора,
Как будто бы в ушибах я сама.*

Но, к сожалению, лёгкость размера нарушается ментально тяжеловесностью словосочетаний во второй строчке. Разум словно ударяется о стену чего-то инородного. Для того чтобы было понятно то, на что я хочу обратить ваше внимание, предлагаю на время заменить отвлекающее своей красотой слово «яблонь», на слово «деревьев» и получить: «Всю ночь роняют деревьев ветви бремя». Согласитесь, звучит неудобоваримо. По идее, на русском языке это предложение приблизительно должно звучать так: «Всю ночь роняют ветви бремя деревьев (первоначальное слово «яблонь»)». И, видимо, более правильно будет писать – сбрасывать бремя, а не ронять бремя.

Далее, смотрим четвёртую строку. Во-первых, слово «бочка» с ударением на «а» выглядит как деревянная бочка с ударением на «о». К тому же, если быть чрезмерно придирчивым, здесь неясно, чьи румяные бока постра-

дали. Стоит ли вводить читателя в ироничные предположения по этому поводу? Теперь смотрим рифму «стучат» и «бочка» и понимаем, что это никакая не рифма! Что тут автор рифмует? Одну букву «а»?

Читаем следующее авторское четверостишие. Тут, мне думается, мы слышим ассоциативно-звуковую тавтологию – «плюхнулись, плеснув».

Третье четверостишие, извините, без улыбки не прочтёшь.

*Под валерьяною, наверняка,
Вдруг взвизгнула испуганная кошка,
И ей досталось, видимо, немножко
Отведать яблочного тумака.*

Автор с лирического настроения переключает нас на юмористическое ёрничество. Не думаю, что это идёт на благо произведению. Я бы удалил вообще данные строчки.

Последнее четверостишие опять-таки без смеха не одолеешь.

*Не спится. Яблок стук сведёт с ума.
О яблоки! Плод первого раздора!
Всё падают без всякого разбора,
Как будто бы в ушибах я сама.*

Маргарита сетует, что яблоки «падают без всякого разбора», причём получается, что они падают, как будто бы в ушибах. Правильней было бы, очевидно, если б она сравнивала свои ушибы с ушибами кого-то или чего-то. Или если бы написала, что яблоки бьют всех без всякого разбора и «будто бы в ушибах я сама». Согласитесь, что как ни крути эту фразу, улыбку никуда не деть, особенно если автор употребляет в начале четверостишия такую высокопарную частицу, как «О» – «О яблоки! Плод первого раздора!».

Итак, учитывая вышеизложенное и ставя перед собой цель как можно ближе быть к авторскому варианту, предлагаю изменить стихотворение следующим образом:

*А за окошком яблоки стучат,
Всю ночь деревья сбрасывают бремя.
И ловит слух, куда летит примерно,
С ветвей усталых яблочный набат.*

Вот в бочку плюхнулись с речной водой,
А вот – в кусты, под глуховатый шорох,
Мелькнул в листве едва заметный всполох,
На стол фанерный – гулкой чредой.*

*Не спится. Стук с ума меня сведёт
Ах яблоки, вы снова плод раздора!
Засну к утру лишь, но встанет аврора,
И яблоком искристым стекла бьёт!*

От редакции.

* – получается, в бочку плюхнулись яблоки с речной водой. Одновременно? Одним целым – яблоки и вода?

Амурский дневник

Сергей ЮДИНЦЕВ,
г. Владивосток.

К 195-летию Г.И. Невельского

Г.И. Невельской

Морской государственный университет носит имя Геннадия Ивановича Невельского (1813-1876), известного исследователя Дальнего Востока, человека нелёгкой судьбы, смелого и решительного, рискнувшего в 1849 году без высочайшего на то повеления российского императора Николая I самовольно обследовать северную часть Сахалина. Попутно он доказал судоходность Амура и открыл пролив между материком и островом Сахалин.

В 1850 году Г. И. Невельской возвращается на Дальний Восток и основывает 1(13) августа Николаевский пост, подняв в устье реки Амур, на мысе Куегда, русский флаг. За подобное дерзновение Особый Петербургский Комитет вышел к царю с предложением разжаловать неуправляемого капитана 1 ранга в матросы. Спасло Геннадия Ивановича вмешательство в его судьбу генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва. В 1854 году за свой беспримерный подвиг русский морской офицер произведён в контр-адмиралы и награждён орденом Святого князя Владимира IV степени.

Территория, где побывал Г. И. Невельской, хранит множество тайн и загадок, связанных с пребыванием там первооткрывателей. Могучий Тырский утёс, с которого отчётливо просматривается Амурский лиман и устье реки Амгунь, повидал за два прошедших столетия многое. На его вершине сохранилась

тяжёлая пушка, которая напоминает о том, что войны не обошли стороной и этот суровый край.

Нижнеамурская земля во все века манила людей золотом, пушиной, рыбой и богатствами необъятной тайги. В 1852 году сюда прибыли переселенцы и заложили первый камень будущего города Николаевска, который к 1917 году превратился в богатый, ухоженный и перспективный населённый пункт России. В этом огромная заслуга Г. И. Невельского как первооткрывателя. Недаром его имя упоминается на географической карте девять раз! Вся жизнь этого удивительного человека – не только подвиг, но и благородство, и, конечно же, образец офицерской чести. Не одно поколение будущих мореходов училось данным качествам по его книге воспоминаний – "Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России". Трудности, невзгоды, житейские неурядицы не сломили дух русского моряка, не стали помехой в достижении намеченной цели. Хороший пример для подражания.

Так получилось, что моё детство, отрочество и юность прошли в этих местах – в низовьях Амура и в верховьях Амгуни. Замысел путевых заметок возник семь лет назад, но, волею обстоятельств, приходилось откладывать работу над черновиками и заниматься другими делами. И только в октябре 2008 года, побывав на малой родине, набравшись незабываемых впечатлений, я вернулся к «Амурскому дневнику».

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

Дом

Никогда не думал, что по берегу реки своего далёкого детства доведётся пройти не только летом, когда воздух звенит тетивой от несметных полчищ гнуса, сопки утопают в буйной зелени, но – ранней осенью, когда рябит в глазах от изобилия природных красок, которыми неведомый художник расцвел листву, ветки деревьев, некогда цветущие полянки и пригорки!..

Уже убраны огороды. «Унылая пора, очей очарованье...» писал о преддверии зимы поэт. Он был, как всегда, точен. Наверное, прав будет каждый, кто согласится с тем, что осень – не только некое подведение итогов сделанного, но и планирование чего-то важного на оставшиеся месяцы бегущего к финишу года. В мои планы поездка на малую родину тогда не вписывалась. Хотя

большую часть времени проживаю в Приморье, душой я всегда здесь – в районе имени легендарной лётчицы Полины Осипенко. Как ни крути, но малая родина может быть забыта только последним Иваном, не помнящим родства. Если учесть, что мать, родившая тебя и отдавшая тебе всё своё тепло, лежит в тиши сельского кладбища, то станет ясно, что место, где сделаны первые робкие шаги, всегда близко и дорого сердцу.

Начну, как говорится, плясать от печки, то есть от дома, которого вот уже лет пятнадцать как не существует. Но я помню медицинский запах того дома и атмосферу сурового и тихого уюта.

Он стоял в самом центре села Оглопки. Одна половина – фельдшерско-акушерский пункт, которым ведала моя молодая мать, вторая – наша однокомнатная квартира. За перегородкой постоянно кричали дети, не столько от боли, сколько от страха быть «обуколенными», или стояли роженицы, переживающие не за себя, а за того человечка, который должен появиться на свет. Ни мать, ни её коллеги, медицинские сёстры А. Шагимарданова, В.

Гамзикова, Т. Чебан просто не могли допустить того, чтобы кому-то причинить боль или абы как принять роды. Сейчас дети, рожденные в этом медпункте (мои сверстники), давно выросли, но твёрдо уверены, что своим появлением на свет обязаны этим молодым женщинам, уже тогда умеющим многое в медицине. А ведь времена-то были разные. У кого-то не складывалась семейная жизнь, кого-то донимали хронические болезни. Приходилось по ночам принимать обезболивающие лекарства. Бывало, кто-то спешил с работы на совещание или заседание депутатской комиссии, а то и летел на двукрылом «кукурузнике» в райцентр на конференцию медицинских работников. Добавим сюда огромный охват худо-

«Вот моя деревня...»

Фото Сергея Юдинцева.

жественной самодеятельностью, в котором непременно участвовали эти женщины. О пошиве нарядов, вязании, вышивке на ткани излишне говорить... Удивительно, когда эти мужественные женщины всё успевали?! Живы ещё люди, которые помнят те далекие времена, и не дадут мне сказать неправду.

Дома нет, но в памяти он живет и своими звуками, и своими запахами. Теперь здесь бурьян, достающий до колен...

Клуб

Ещё я хорошо запомнил в Оглонгах «старый» клуб. Выстроенный во времена демократических реформ Дом культуры, большой и просторный, уже из другого времени. Мне ближе тот, бревенчатый, с бильярдным столом в холле, низенькой сценой и огромной картиной безымянного автора во всю стену, которая называлась «Кровавое воскресенье». Еще запомнились два плоских барельефа с профилями Карла Маркса и В. И. Ленина (Ульянова). И еще лозунг: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Но главное – двойной занавес из тяжелого, цвета бордо, бархата.

Время поглотило всё, но память цепко зафиксировала

былое потому, что дороже детства у человека нет ничего. Нет детства ни без завклубом тётки Веры Пасечник, ни без киномеханика дяди Коли Маршалова. Им низжайший поклон. Они, сами того не ведая, учили нас посредством кинематографа жизни. Пусть экранной, пусть игрушечной, романтической, но жизни. Первое свидание каждого из нас проходило на последних рядах того самого «старого» клуба. Обычно, когда заканчивалась часть кинофильма или рвалась плёнка, внезапно вспыхивал свет, и зал с удивлением смотрел другое «кино», про то, как сидящие в первом ряду бабушки хлюпали покрасневшими носами, вытирая платками слёзы. Так они оплакивали несчастных героинь индийских фильмов. Молодёжь в это время влюблялась в затемнённой половине зала. Обнять девушку за хрупкие плечи или затаив дыхание держать её ладонь в своей руке и упорно делать вид, что фильм безумно интересен, а девушка – приложение к фильму, считалось верхом блаженства, хотя всё было наоборот. Когда заканчивался фильм, девушка резко отдёргивала руку и бежала к выходу, чтобы у бабушек не было повода для сплетен. Но от сплетен спрятаться не удавалось никому. Кино и сплетни – еще одна примета того беззаботного детства.

Вечера

Субботними вечерами к нам приходили гости. По поводу или без оного – неважно. Пили самогон. Этот живительный напиток знали все. Но, боже упаси, им не торговали. Самогон предназначался исключительно для праздников, именин, свадеб, а точнее – для многочисленных родственников и друзей. В нашу тесную квартирку порой набивалось столько взрослых, что детям приходилось ночевать у кого-либо из соседей, которые, кстати, тоже были на вечеринке. Фёдоровы, Герасимовы, Трубецкие, Будрины, Малыхины, Пономаревы, Вознесенские, Пота-

повы, Птаховские, Халтурины, Кропотовы и еще полсела побывало в нашем доме. Пили самогон. Удивительно, но гости не пьянели! Вечер продолжался песнями. Помню, начинала тётя Валя Герасимова, за ней подхватывали все. Ближе к полуночи садились за русское лото. Если гостей было мало, то и дети включались в игру. О, какая это была радость – выкрикивать «барабанные палочки» или «пятьдесят шесть»... Не помню я ни драк, ни скандалов. По крайней мере, в гостях все вели себя пристойно.

Заметки на полях

Перелистывая подшивку газеты «Амгуньская правда», наткнулся на любопытную статью. Некий автор призывал не прямо, но косвенно доносить на тех, кто занимается самогонварением, совершенно перепутав как место действия, так и время, в котором мы живем. Да и проходили мы уже подобное. Наверное, не будет новостью то, что доносительство на соседа не есть хорошо. Другое дело, предотвратить террористический акт, насилие, убийство и другие отвратительные вещи, но «капать» на человека, затратившего средства на приобретение сахара, дрожжей, собравшего ягоду на мари или в тайге, преодолевая километры сложного пути, расходуясь на бензин, наверное, должно быть стыдно. Тут каждый может себе сказать: «Попробуй сам». Это я к тому, что беда нашего человека – зависть. Она появляется в том случае, когда один работает засучив рукава, другой – наблюдает. Ох, как верна поговорка о не выловленной рыбке из пруда – без труда. Пенсионеров можно понять. Они всю жизнь получали свой мизер и сегодня просто существуют. Из откровенного разговора с ними я уяснил, что выпивают все. В наших краях по старой доброй традиции бабушки и дедушки по сей день бутылочкой расплачиваются со строителем, землепашцем, слесарем, плотником, рыбаком. Представим себе, что спиртное вдруг исчезло. Ну нет его в магазинах. Свято место, как говорится, пусто не бывает. И те же бабушки с дедушками начнут «гнать» самогон и готовить настойки. Да и гостей чем-то нужно потчевать. Свадьбы, именины, семейные праздники, поминки никто не отменял. А тут – дефицит?! Здесь – своя психология...

Пенсионеры вспоминают те времена, когда простейший самогонный аппарат мог изготовить чуть ли не каждый. Что греха таить: варили, и помногу. Расчет прост. При зарплате 60-80 советских рублей, минимальной цене на спиртное – всех гостей всё равно не удовлетворишь. Вдруг не хватит кому-то... Не стоит сбрасывать со счетов и то, что семьи в прошлом столетии были большими: в среднем от 5 до 8 человек. В наши дни, при вопиющей смертности и мизерной рождаемости, такие семьи можно посчитать по пальцам одной руки.

Почётный гражданин района имени П. Осипенко, автор книги «Приамгунь золотое» В. Бочкарёв писал: «Так в 1960 году родилось 167, а умерло 53 человека. В 1970 году соответственно, 131 и 53. И так по другим годам». Но это тогда. В конце же 20-го столетия и в начале но-

вого только за неполные четыре года (с 1988 по 2001 гг.) в Оглонгах умерли от старости, болезней, несчастных случаев, отравления «палёной» китайской водкой и от суицида 53 человека. В среднем 13 человек за год. Большая смертность пришла на 1988 год, когда горела тайга. Если взять данные по району, то в сравнении с показателями 60–70-х годов прошлого века шкала смертности поднялась на порядок выше.

Истина, конечно же «в вине», но лишь отчасти. При социализме тоже пили достаточно, да и праздников было вдвое больше, чем при рыночных реформах. Дело в другом: люди тогда пили «с умом». Как поёт Вика Цыганова: «...только меру надо знать».

Пьют у нас и в горе, и в радости, и от безысходности, хотя выход, думаю, всегда можно найти, не заглядывая в стакан. Безработица, считаю, не всегда подвигает человека к пьянству. Зачастую запои на селе происходят от внезапно появившегося свободного времени. Его просто нечем заполнить. Дискотеки в воскресные дни – не выход из тупика. «Видики» всем порядком надоели, от американских голливудских боевиков мозги набекрень. Добрых, душевных, человечных фильмов в телепрограмме не сыщешь днём с огнём. Только одно и остаётся: пить да «косячком» баловаться. Особенно зимой, когда как-то нужно дотянуть до тёплых дней. Как тут быть? Вернуться к старой системе ценностей, где приоритетным был активный образ жизни: самостоятельность, физическая культура, туризм, спортивная рыбалка. Перечислением можно заниматься бесконечно, но все окажется пустым звуком, если не показать, как это делать. Нужен положительный пример, несомненно, подкреплённый финансовой базой...

Но вернемся к самогону. Жил в районе человек по фамилии Шешнёв Василий Фролович, хороший был хозяйственник. И производил он плодово-ягодное вино, называемое в народе «шешнёвкой». И не только. Небольшой цех снабжал продмаги ягодными соками и безалкогольными напитками. Почему бы не возобновить это дело? Выдать лицензии желающим открыть подобного рода цехи, и пусть на законных основаниях люди занимаются производством. Пусть будет много мелких виноделов. Кто-то обанкротится. Зато кто-то поднимется и, объединившись с банкротом, расширит производство. Думаю, проконтролировать винных дел мастеров не составит труда. Жители – вот лучшие контролеры. Да, именно жители. Купит Иван Петрович такое вино у предпринимателя, выпьет бутылочку и станет ему худо. К кому он пойдет с претензией? К виноделу. Спросит просто: «Что же ты, Петро, отраву-то мне подсунул? Давай-ка возвращай деньги. Нехорошо, старина, живем-то в одном селе, вроде и росли вместе и за одной партией сидели». Винодел такую критику через душу пропустил и в следующий раз разобьётся в доску, но качества добьётся. Не сразу Москва строилась.

Решайте тут: иметь или не иметь. Логичней – иметь. И ещё, думаю, если бы увидел на прилавке изящную бутылку с напитком местного розлива, купил бы на память с сохранностью до конца своих дней. Да и соком того же производства не побрезговал бы...

Продолжение следует.

Легко

приходят строчки...

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

* * *

Я не желаю спать –
        легко приходят строчки.
А надо мной в окне –
        загадочна луна.
И показалось мне,
        что ей известно точно,
В кого же на земле
        я нынче влюблена.
Она опять молчит.

Но в этом жёлтом лике –
Послания от всех,
        кто в космосе не спит,
Когда влюблённый мир,
        такой разноязыкий,
Срывается со всех
        космических орбит.
В сознании звучат
        неведомые звуки,
На ниточках души
        играет тишина,
И тянутся ко мне
        космические руки,
И смотрит на меня
        загадочно луна...

* * *

Перешагну порог –
        и я у вас в ладонях.
Готов на кухне суп,
        а сын играет рок.
И вся моя душа
        в уюте вашем тонет.
Мы больше никого
        не пустим за порог.

Мне скажет сын другой:
        «Ну, как делишки, мама?»,
На вешалку моё
        определив пальто.
И что-нибудь купить
        предложит мне реклама,
Но я не рассержусь
        на это ни за что!

Домашний верный пёс
        моею станет тенью.
Аванс его любви –
        чуждней иных чудес!
Собачий ужин я
        скорей пойду затею –
На морде у него написан интерес.

Потом придёте вы
        на нежный дух заварки –
И мы попьём чайку.
        Печенье тоже есть.
И, несмотря на то,
        что в доме станет жарко,
Я чуточку поближе
        к вам пожелаю сесть...

* * *

Те времена по жизни пронесу я,
Порой, альбом листая не спеша,
Где мама – хохотушка и плясунья
И где отец – компании душа.
Где что-то
        очень сильно волновало
В предощущеньи сказочного дня,
Когда на кухне мама колдовала
И собиралась к празднику родня.
Следили с неподдельным
        интересом
Мои глаза – точнее всех мерил,
Когда мой дядя опускался
        в кресло
И голосом отцовским говорил...
А с ним другой,

        но он казался строже,
Поскольку явно
        проявлял родство,
Гадая, на кого же я похожа,
И каждый раз не выяснив того.
И с каждым дядей
        приезжала тётя,
Сестрёнки, братья –
        разные с лица.
Совсем тогда сбивалась я
        при счёте,
Но радости не виделось конца!
Ботинки перепутывали пары,
С балкона вилась струйками
        дымок,
Вздыхались яства
        аппетитным паром
И дверь не закрывалась
        на замок...
Под окнами китайские берёзы
Ещё мешать друг другу
        не могли...
И очень быстро высыхали слёзы,
И сила исходила от земли.
Легко и звонко
        праздновались даты,

И старым псом
        не стал ещё щенок,
Не ведал сад,
        что зарастёт когда-то,
И дом не знал, что будет одинок,
Что, может быть,
        не хватит слов каких-то...
И я не скоро, видимо, пойму,
Что мамина разлапистая пихта
Сегодня тихо машет Никому...

Моя константа

Что я могу с утра из вечных фраз,
Смотря на вас реального,
        земного
В семь тысяч
        восемьсот двадцатый раз,
Сказать вам снова?..
«Счастливого пути», –
        шепчу я вкратце.
Но непослушность губ
        вас не волнует
И вы не устаёте повторяться,
Опять целуя.
Уходите. Остался лишь комок
Пушистого цветного одеяла.
И звук шагов на лестнице умолк.
Но я не встала.
        Давно пролился свет
        во все проёмы.
Вселились тени в
        комнату пустую.
Нюансы дня уже почти знакомы.
Я протестую.
Решу-ка я по физике задачу,
Потом стихи хорошие прочту,
Под музыку красивую заплачу,
Задумаюсь под музыку не ту.
Затею борщ,
        куплю к нему горчицу,
Попробую испечь для вас блины.
Но могут вдруг они
        не получиться...
Не в них вы влюблены!
Константа вы моя!
        Я точно знаю –
Вы сами испечёте мне блинов,
Накормите. И до глубоких снов
Расскажете,
        что роль моя иная...

И, значит, можно всё исправить...

Марина ЗАЙЦЕВА,
г. Корсаков, Сахалинская область.

Марина Дмитриевна – автор десяти поэтических сборников, член Союза писателей России, лауреат премии губернатора Сахалинской области.

Родилась в Ленинграде в семье фронтовика, военного капельмейстера. Живёт в Корсакове.

Стихи печатались в журналах «Дальний Восток», «Аврора», «День и ночь», в альманахах «Истоки», «Сахалин», «Голос сердца», в антологиях «Дальний Восток в поэзии современников».

Слово Марины Зайцевой пронизано любовью к суровому островному краю, внимательно к деталям, к реалиям жизни на сахалинской земле, узнаваемо и отмечено авторской индивидуальностью.

Особенности творческого дара корсаковской поэтессы делают её стихи гимном малой родине, гимном природе и человеку – жизни вообще; строки большинства стихотворений согреты искренним чувством и, выражаясь словами самого автора, «полны высоким светом».

* * *

Светлы рождественские дни.
Блаженство и покой.
И в целом мире мы – одни.
Я здесь – коснись рукой.

Ты – здесь. Едва рукой коснусь –
Чуть слышно, как трава –
И тихой нежностью зайдусь.
И ни к чему слова.

ОСЕННИЙ ДИПТИХ

1

Октябрь утрами холодит,
Изримее парок дыханья.
Но крон осенних полыханья
Знобящий шквал не укротит.

Навеки бы в глуши лесной
Пропасть, исчезнуть,
раствориться, –
Где, словно пёрышки жар-птицы,
Листва кружится надо мной.

В багряно-пламенных лесах
Уже давно мы бродим порознь.
В моих краях туман да морось –
И солнечно в твоих краях.

В душе стихает суета
От летних взбалмошных
желаний.

К тебе нет брода. Нет моста.
Леса пылают между нами.

2

В ночь октябрь уплывал.
И листву на ходу
С крон горящих сорвал –
Словно свечи задул.

Где-то невдалеке
Громычала гроза.
Ты ушёл налегке,
Ничего не сказав.

Бродит эхом в душе
Чувств былых перезвон.
Завершился уже
Перелётный сезон.
И заката камин
Догорает во тьме.
Тучны гроздь рябин,
Это – к лютой зиме.

У КАРТИНЫ ВАСНЕЦОВА

Витязь встал у камня
на распутье
И на надпись странную глядит:
Ехать вправо – козни;
влево – плутни;
Прямо – в лапы смерти
угодить...

Под конём шуршит песок
зыбучий,
В вышине – зловещий грай
ворон.
Крадучись, как волчи стаи,
тучи
На него ползут со всех сторон.

Соловей в логу разбойно свищет.
И трехглавый змей плюёт огнём.
Отчины глухие пепелища
Тянутся за мрачный окоём.

Ранами и шрамами измечен,
Не умея живота беречь,
Развернул в косую сажень плечи –
Поскакал судьбе извечной
встречь.

...Времена не изменились в сути.
Жизнь на милосердие скупа.
И как прежде –
витязь на распутье.
И в траве белеют черепа.

* * *

Сидишь под лампой, полночник,
среди исписанных листков.
Ещё не выпорхнули строчки
в мир из твоих черновиков.

И, значит, можно всё исправить,
переписать, переменить,
от муки будущей избавить
себя – за промахи казнить.

К своим твореньям
ты всё строже,
постигший суть иную слов
(в обыденном значенье схожих) –
ремесленник и Ремесло.

* * *

...И куда же, серый в яблоках,
Ты один, без седока –
Странной птицей
иль корабликом
Взмыл на крыльях в облака!

И летишь по небу синему,
Тонко стремением звеня,
Мне почудилось: по имени
Окликаешь ты меня,

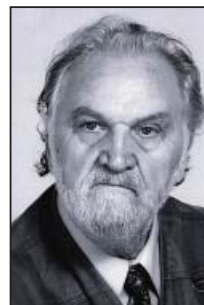
Окликаешь тихим ржанием
И мотаешь головой,
И в ночное мироздание
Ты зовёшь меня с собой.

И щемит мне сердце тающий
Этот зов и этот звон,
Одинокий, уплывающий
За осенний горизонт.

Облаков паруса

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток.

Стрекоза

В мелькании её
полупрозрачных крыльев,
В загадочном, как сон,
полёте стрекозы
Мне видятся степные
проблески ковыльи,
Весенний шум грачей
и сполохи грозы.

Невыносимый зной
густых июльских красок,
Искрящийся мотив
хрустальных витражей,
Движение кулис
и театральных масок,
Изломанность полёта
над рекой стрижей.

Копируя орла и подражая мухе,
Она не доживёт
до возраста старухи.
Хотя довольна всем.
Особенно собою.
Спеша найти себя,
как в зеркале, в воде,

Недвижно повисает
низко над водою,
Не зная: через миг,
возможно, быть беде.

Облаков паруса

На арбузном ядре
примостилась оса,
Темперамент её
не похож на колибри.
Проплывают в реке
облаков паруса,
Чуть коснёшься рукой,
ощущение – влипли.

Остаётся служить
деревянной барже,
Никуда ни на шаг
от жука-древоточца.
Мы по кругу бредём
на короткой вожже,
Корм подножный жуём,
воду пьём из болотца.

Обречённо ругаясь,
отнюдь не со зла,
Комарьё разгоняем
обломком весла.
Зелень ряски цедим.
На щербатых зубах
Головастиков юрких
хвосты остаются.

И всё больше тоска
оседает в зобах,
Паутиной стрекозы
над остовом вьются.

Харон с веслом наперевес

Под голубую вышивкой небес,
Разбавленных красивыми
платками,
Плывёт Харон
с веслом наперевес,
Пытаясь состязаться
с рыбаками.

Они ему кричат: «Ау! Сойди, –
С таким азартом,
будто бы мальчишки, –
Проконопатим щели у ладьи,
Пока судьба перетасует фишки,

А там уже посмотрим:
кто – кого
Обгонит...» Над рекою далеко
Пронёсся слух
об этом состязанье,
Где приз ценой
не менее, чем жизнь.

Как разминуться
этими стезями,
Чтоб снова через год иль два
сойтись?

Осеннее

За городской чертой
солдатских туалетов,
Расхристанных руин,
казарменных скульптур
Сентябрь раздаёт
цветные эпюлеты
И приглашает всех
на свой минорный тур.

От пустоты лесов
нагретый воздух выстыл,
Шаги людей слышны
за сотую версту,
И ветер в вышине,
как чей-то слабый выстрел,
Сметает на тропу
последнюю листву.

Нет в кронах светлых лип
крикливых постояльцев,
А что остались, то
всех перечтёшь на пальцах.
В прозрачном роднике
рубиновые листья
Бесформенным рисунком
на песке лежат.

И всё же явный гром,
а не далёкий выстрел
Пугает в небесах
ватажку жеребят.

Осенняя благодать

Осенняя сухая благодать
Распахнутого неба колоколья,
Как хорошо мне
дней листву листвать,
Ходить к реке дорогою окольной.

Смотреть, как кто-то
прячет инвентарь,
Пустой стакан
и карты для затравки –
Крушить зубами
каменный сухарь,
Свободного поэта
скудный завтрак,

Лежать, как в колыбели, на песке
И слушать чью-то
песню вдалеке,

Потом строку
пытаться записать
Ту, что в ночной
пригрезилась юдоли,

Под мерный шёпот
тихо засыпать,
А просыпаться всё-таки
в неволе.

Пока не закончится с жизнью роман...

Нина МАКАРЕНКО,
д. Новая Тумба.

Вдовья песня

Затянула осень песню вдовью,
Под ноги распутицей легла.
Всё, что согревало нас любовью,
С жёлтою листвою унесла.

Грустные леса стоят стеною,
Прикрывая наготу земли.
Только, как озимые весной,
Зеленеют сосняки вдали.

Шалый ветер
веником крылатым
Обметает лысину полей,
На лугах седины, как заплаты,
Слышен плач летящих журавлей.

Понакрыли тучи неба просинь,
Потемнело зеркало пруда.
Ты когда угомонишься, осень?
Песню вдовью допоёшь когда?

Соль Земли

Крепка славянская порода,
Хоть жизнь людская непроста,
Есть дар у русского народа –
Петь под ударами хлыста.

Ни ахов-охов, ни метаний,
Что судно наше на мели.
В лихие годы испытаний
Народ российский – соль Земли.

Порой для песен нет мотива,
Но от хандры рецепт готов.
Мы не сгибаем спины льстиво,
Стоим под натиском ветров.

Пока что мы не вышли статью,
Но скоро, судя по всему,
Встречать нас будут
не по платью,
А по заслугам и уму.

Два полюса

Ты и я – два разных полюса,
То поём с тобой в два голоса,
То целуемся, то ссоримся –
Рвём и связываем нить.

То в одно с тобой сливаемся,
То навек с тобой прощаемся,
То не можем даже мысленно
Друг без друга дня прожить.

Нами сотни вёрст исхожено
В снег и в дождь, по бездорожью.
Чаша радостей и горестей
Наполнялась до краёв.
Ты и я – два разных полюса,
С одного поём мы голоса.
И стоит за нами сторожем
Беззаветная любовь.

Россия – мой талисман

За то, что иду
не сгибаясь по жизни,
За свет, что дорогу
мою освещает,
Я кланяюсь в пояс
любимой Отчизне
И лучшие песни я ей посвящаю.
Россия меня в колыбели качала,
Из странствий, как мать,
без обиды встречала.
И как бы ни крепок
был жизни гранит,
Всегда сердце верность
России хранит.

Когда над планетой
сгущаются тучи,
Врывается в мир
непонятная сила,
Я верю в Россию,
в народ наш могучий,
В котором тверда
богатырская жила.
Немало сапог
нашу землю топтало,
Немало Россия в огне испытала,
Нешадно бил град нас,
палил жуткий зной...
Победный наш вальс
мы танцуем весной.

Я верю в твоё возрожденье,
Россия,
Ты справишься с бурей,
с невзгодой люблю.

В счастливые годы и в годы лихие
Люблю тебя искренней,
нежной любовью.
Россия родная, от края до края,
Тебя нет дорожке,
с тобою всегда я.
Пока не закончится
с жизнью роман,
Ты – мой оберег,
вечный мой талисман!

Ломовая лошадь

Помню, как, бывало,
в поле выезжала,
И в труде, поверьте,
сил не берегла.
День и ночь пахала,
устали не знала,
А теперь на сердце
борозда легла.

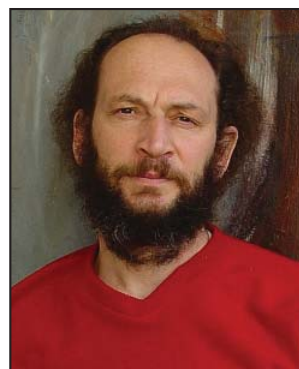
Для людей была я –
лошадь коренная.
У меня в пристяжке
был слабак везде.
Лошадь коренная –
силища дурная,
Но всегда в упряжке
и всегда в узде.

Мне б другую долю
да во чисто поле,
Чтобы без умолку
звоны под дугой...
Не дают мне воли,
я стону от боли –
Очень сильно холку
трёт хомут тугой.

Я и скаковая,
я и верховая...
Замечаю: трещину
дал мой пьедестал.
Да, я деловая,
лошадь ломовая,
Только жаль, что женщину
Никто во мне не знал.

Что рассказать тебе?

Симон СЛУЦКИН,
г. Цфат, Израиль.

Родился в Петербурге в 1961 году. Художник по профессии. Имеет собственную галерею в Цфате (Израиль).

Стихи пишет с 27 лет. Первую книгу стихов «Глаза мои» выпустил в 1991. Вторая книга «Переселение» вышла в свет в 1998 г. в Израиле, где автор постоянно живёт.

В настоящую подборку вошли стихотворения, написанные в Петербурге и в Израиле.

Из Израиля.

Письмо другу

«... что рассказать тебе
про Палестину?»
Давид Кнут.

Что рассказать тебе
про Палестину?
Про небеса,
распахнутые настезь,
про мир волшебной лампы
Аладдина,
где ты взываешь,
ищешь и обрящаешь.

Что рассказать тебе
про свет без края,
про красное,
раздавленное солнце,
про выжженные камни,
неплом рая
они легли, и – каждый назовётся.

Что рассказать,
про мой Ерушалаим,
где стены пахнут кровью
и молитвой?
Ряды торговцев
маняют встречных лаем
гортанных звуков,
режущих как бритва.

Что рассказать тебе,
ты знаешь вроде
о том царе,
что танцевал с рабами?
Что рассказать
о всём моём народе
с горбатыми,
верблюжьими носами?

Что рассказать, далёкий друг,
о ветре?
Прошелестев листвою
эвкалипта,
он полетел к тебе
от Красной Петры –
понёс песок, что родом
из Египта;

Что рассказать о звёздах?
Словно птицы,
влетают в ночь –
Ехезкеля* виденья,
как слезы те, которые с ресницы
впадают в Лету,
не боясь забвенья.

Что, друг мой, что ещё
тебе поведать?
Не свил гнезда и не скопил
на случай,
но родина пророчества и бреда
мне стала домом,
самым в мире лучшим.

* **Йехезкель, или Иезекииль** – библейский пророк, говоривший о воскрешении мёртвых.

Осенняя молитва

Багряная листва, летящая у ног,
и чёрные стволы,
растущие из неба.
Я каждым шагом жив,
но если б только мог,
листочком прошелестел –
и никогда бы не был.
Упал бы и скользнул –
во прах, в небытие,
поплыл звездой в ночи
или речным туманом,
ушёл бы с головой
в безличие Твое,
владыка Адонай*! –
я Твой листок багряный.

* **Адонай** – одно из имён Бога (Иврит).

Стена плача

Приди к стене, прижмись головой,
услышишь, небо камень кро́шит.
Придавит смертью за спиной
Хамсина* огненная лошадь.
И под уздцы держать её
уже Архангелы устали.
Виском глотни небытие,
замри на цыпочках печали.

* **Хамсин** – обжигающий ветер из пустыни.

Земля Израиля

Так вот она, земля отцов!
Какое скудное наследство...
Кинжалом встало солнце
в сердце
и лъвицей бросилось в лицо.

Привет тебе, родимый дом,
в котором я ни разу не был.
Нагим рабом стою под небом,
где был всезвучный Божий гром.

Обетованная страна...
Смешно сказать –
песок и камень!
И не прикрыта облаками,
земля с небес всегда видна.

Питерский сонет

Здесь тайный шёпот мостовых
и рук знакомых злая праздность.
Ночных мостов нелепость,
странность –
стремленье в небо крыльев их.

Здесь камня саван. Мест святых
величье – стёртая парадность.
В безмолвии скупая разность
свечений окон – звёзд ночных

и отблеск их на глади водной,
и действия нет, и сцена та,
что вечно кажется свободной;

ступенек стёртых глухота,
дверных проёмов пустота,
суровых таинств мир холодный.

Петропавловская крепость

Питера порт –
крепости крест.
Первый аккорд-
храмовый перст.
Первый размах –
башни внахлест.
Истинный знак
строен и прост.

Чужого горя не бывает

Олег МАТВЕЕВ,
г. Владивосток.

АХ, ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ...

Ах, если б не было войны...
Какие видели б мы сны,
Какие песни стали б петь,
Не зная слова злого – «смерть»!

Ах, если б не было войны!
Живыми были бы сыны
И был бы смехом полон дом,
Где с горем нынче мы живем...

Ах, если б не было войны,
Не стало б ранней седины,
Не обжигал печалью б взгляд
Мам не вернувшихся солдат.

Ах, если б не было войны...
Могилы были бы пусты
В боях погибшим пацанам –
Как много ж их, могильных ям!

Ах, если б не было войны,
Я принял бы из рук жены
Девчужку-кроху, нашу дочь,
Но был убит я в эту ночь.

Ах, если б не было войны –
Я б по велению весны
Стихи писал бы о любви,
Где места не было б крови.

Ах, если б не было... войны!

ТЕМ, КТО ЖДЁТ

В задремавшем городе
Светится тревожно
Огонек от лампы
В боковом окне –
То жена «чеченца»
Гладит осторожно
Дорогое фото:
«Возвратись ко мне!

Возвратись, мой милый!
Возвратись, любимый!

Даже если ранен,
Слышишь – возвратись!
Как душа устала
От тоски постылой...
Сыном заклинаю
Я тебя – вернись!

Стали мои мысли
Непосильной ношей,
Некуда мне деться
По ночам от них.
Улыбнись сквозь слезы –
Самый мой хороший,
Как же не хватает
Добрых рук твоих!

Как мне не хватает
Твоего дыханья,
Голоса родного –
«Я тебя люблю!»
Возвратись, родной мой! –
Словно заклинанье,
К звездам обращаю
Я мольбу свою...»

НА КЛАДБИЩЕ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Чужого горя не бывает –
Боль одинакова в сердцах,
И так же души скорбь сжигает,
И облегченья нет в сердцах.

За номерами плит бетонных
Сокрыты чьи-то имена –
Их произносят здесь со стоном,
Над ними плачет тишина.

Печально дочери седые
В поклоне горестном стоят
Там, где отцы их молодые
Давным-давно
сном вечным спят.

Спит брадобрей из Хакодате,
Токийский слесарь рядом спит,

А в том побеленном квадрате
Шофер из Осака лежит.

Лежат японские солдаты
Вдали от родины своей,
Чужие греют их закаты
Теплом неласковых лучей.

И лишь пичуга в час рассветный,
Когда чуть солнышко взойдет,
В дубках окрестных неприметно
Молитву павшим отпоет...

* * *

Памяти Николая С.

Сам себе адвокат
Был он и прокурор,
И судья был себе
С приговором;
И отчаянный взгляд
Нам остался в укор
От того, кто не свыкся
С позором!

Время позже его
Оправдает сто раз
И докажет сто раз –
«Невиновен!»
И пройдет по сердцам
Рикошетом у нас –
Тех, кто дружбы его
Не достоин.

И пускай мы сейчас
В груди истово бьем
И клянемся, что мы –
«Не такие»,
Со слезами в словах
Поминальную пьем
И склоняем прическу
Седые.

Что ж теперь говорить!
Что ж картинно скорбеть...
Лучше в очередь честную
Встанем
И в глаза, что с зеркал
На нас будут смотреть,
Как Иудам положено,
Глянем!

За полночь ветер всхлипнет...

Александр БАШ,
г. Благовещенск.

КОРАБЕЛ

В. А. Виноградову

Меж сотен дел людских,
обычных дел
есть ремесло...

Оно почти искусство.
Творит на стыке
разума и чувства
свою мечту о море корабел.

Пред ликом моря
предок наш робел.
Ликуй же, Архимед! Легко и гордо
по глади вод
проходит целый город:
корабль – как совершенство,
как предел.

Когда дойдём до Высшего Суда
и спросит трубным басом
Гавриил:
– Что сделал ты?! –
– А строил я суда,
чтоб, аки по суху,
наш род людской ходил
по водам. Сам прикинь:
без корабля
доныне плоской
оставалась бы Земля!

ГРАФОМАН

Рукописи не горят.
М. Булгаков.

Он знает хорей и ямб,
и краток он, как Хайям.
Но жизнь его загрузила.
Он беден и мёрзнет в зимы,
считает, что деньги – хлам,
страшится цен в магазинах...
Он дарит стихи друзьям,
а чаще пишет в корзину.

Пустынна его дорога.
Свой путь он стихами мерит
и знает, что мало прока
в отечестве от пророка.
Судьба им, как хочет, вертит.
А он не боится смерти

и вовсе не верит в Бога,
поскольку в духов он верит.

Он слышит их чутким слухом.
И ладит он с каждым духом
воды, железаки, тучи.
А рвущие тело сучья,
он благодарит, как случай
понять, где проспал вполуха.
Он ищет духам созвучья
и в каждом находит друга.

В бумагах его хабс.
С редактором – заморочки.
Ему не издать ни строчки;
конец их, он знает, прост:

когда он дойдёт до точки, –
не книжка, а пара роз...
и по ветру все листочки
рассеет всемирный склероз.

Но за полночь ветер всхлипнет,
и строки вдруг хлынут ливнем
на холмик и вглубь просочатся.
И к телу его, как в глину,
все слабые строчки прилипнут,
а лучшие – разлетятся,
чтоб с духами пообщаться.
И, может, живым приснятся...

И голос его всё тише,
и брови его всё выше,
и стих его, хоть не слышен,
всё ближе и ближе к звёздам,
и чище от рифмы воздух,
а это – приметы роста.
Как прежде, он просто пишет,
хотя иногда непросто...

ГОСТЬ

Оборваны внешние связи.
В окне – девятнадцатый век.
Дождит, и телега вязнет,
и что-то кричит человек.

Он машет, в окно стучится,
подошвы скоблит о порог.
И на половицы сочится
унылая грязь дорог.

Он крестится на Hitachi,
он окает не скупясь.
Меня он не видит, и значит,
оборвана внешняя связь.

Он руки греет за чаем,
пеняет на дождь в окне.
И кто-то ему отвечает,
но кто? – не понятно мне.

От этой таинственной
встречи
неясный, тревожный свет.
Погашены в зале свечи,
и вечер сошёл на нет.

Мой гость – борода лопатой –
откланялся, вышел прочь.
Экран – голубой лампадой.
Реклама пестрит всю ночь.

А я разбираю фото,
которым немало лет.
Из прадедов этот кто-то,
я помню его портрет.

Зачем это было надо,
на кой, извините, ляд
я встретился с предком
взглядом?
И что означал тот взгляд?

Чего он хотел?.. Но связи
оборваны неспроста...
В углу, против сохнущей грязи,
Hitachi вместо Христа.

РЕВНОСТЬ

Ты ждёшь стихов? –
а напрасно ждёшь.
Я не оправдаю твоих надежд:
ритм хромает, у рифм – падёж,
глагол распрягли, и оглох падеж.

И гибнут фразы с собой в борьбе;
а те, что выжили – злы, сухи...
И я ревную тебя к себе,
к тому, который писал стихи.

Люблю сильней...

Валерий БРУСКОВ,
г. Екатеринбург.

***

Ну что ж, иди...
И Бог с тобою...
Он сможет всё
тебе простить...
За нелюбовь твою
любовью
Я сам сумею
отомстить...

***

Зачем искать того,
кто начал первым?
Виновен не сумевший
не начать!
Любовь молчит,
когда грохочут нервы,
И может так
навсегда замолчать...

***

Я каждый день
держу экзамен,
С трудом спокойствие
храня,
Ведь перед этими
глазами
Какая выстоит
броня?..

***

Не волк
и не овечка...
Нет друга...
Нет врага...
Живу...
Ни Богу свечка,
Ни чёрту
кочерга...

***

Я жил все годы
внутренней борьбою:
Пришлось в себе
друг с другом примирять
И радость встреч
СЕГОДНЯШНИХ с тобою,
И вечный страх
НАЗАВТРА потерять...

***

Любовь – не гром,
не топот
По нервам
и ушам,
Она –
неслышный шёпот,
Когда кричит
душа...

***

О, как приятна
солидарность,
Когда,
издёрганный Судьбой,
Я говорю себе:
– Бездарность!!!
И соглашаюсь...
Сам с собой...

***

И новый Гамлет,
может быть,
В своём дворце
многоэтажном
Решает:
– Быть или не быть?..
Пусть век иной,
проблема – та же!

***

Если в жизни
заненастит,
Если час беды
придёт,
Зло моё
в тебе погаснет,
А добро
не пропадёт...

***

Не принимают
клоунов в балеты,
А балерин из цирка
гонят вон:
Поэзии
нужны одни поэты –
Атлеты пусть идут
на стадион!

***

Я жизнь свою
не похваляю.
Как жаль,
что мы с тобой не боги!
Но я люблю!
Люблю!!
Люблю!!!
И, значит,
я счастливее многих!

***

Ты мне нужна,
как парус кораблю,
И ты меня
когда-нибудь погубишь...
Но я тебя
по-прежнему люблю,
Люблю сильней,
чем ты меня не любишь...

***

Хочу хоть что-то делать
и не смею:
Твоим запретом скованный,
мечусь.
Любить, не отдавая,
не умею,
А брать, любя,
никак не научусь...

***

Ты в дикой чаще
позвала,
И я пошёл на зов
вслепую.
Твои глаза-
как два ствола,
И каждый
мне готовил
пулю...

***

Пусть станет мир
тюрьмой от пустоты!
Пусть смерть за всё
покажется наградой!
Есть у меня
земное чудо – ты!
И мне от жизни
большего не надо!

